

ДО СЪВЕРНУМУ СКЛОНУ ЗАПАДНАГО КАВКАЗА.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ.)

III.

Движеніе вверхъ по рѣкѣ Цеце.—Черемша.—Остатки серебролавленного за- вода.—Долина Туба.—Скала „Монастырь“ и хакучинская легенда о Прометѣй.—Перевалъ въ долину рѣки Пшишъ.—Сакма хакучей и слѣдъ зубра.—Гойтхскій перевалъ и печальное положеніе станицъ въ верхней части долины рѣки Пшиша.

15-го апрѣля, на разсвѣтѣ, мы выступили вверхъ по рѣкѣ Цеце и, пройдя до впаденія въ нее рѣки Годжеджъ (впадаетъ слѣва), слѣдовали версты двѣ долиною послѣдней; затѣмъ взяли влѣво и направилась ущемлемъ рѣки Тухъ (впадаетъ справа въ Годжеджъ). Ночью подморозило. Тропинка, по которой мы растянулись гуськомъ, то показывалась, то исчезала подъ сухимъ листомъ, которымъ была покрыта почва дѣсистыхъ горныхъ склоновъ, принуждая насъ временами даже идти самую рѣчку, въ то время еще неглубокою. По мѣрѣ подъема нашего, иней, покрывавшій землю, превращался въ снѣгъ, становившійся все глубже и глубже. Скоро исчезли и послѣднія зеленыя прогалины, и мы пошла сплошнымъ лѣсомъ. Погода была пасмурная; холодный сѣверный вѣтеръ гналъ сѣрыя тучи; временами срывался снѣжокъ. Плотно закутавшись въ бурки, висѣли мы на сѣдлахъ. Дурная погода не располагала къ разговорчивости, и даже Ф* не покушался на обычные рассказы. Намъ хотѣлось успѣть перевалиться въ тотъ день въ Тубу (*), чтобы хоть заночевать не на высотахъ, а для этого пройти по сквернѣйшей дорогѣ надобно было около 35 верстъ. Часу во второмъ дня, спустившись съ одного изъ уступовъ сѣдловины, служащей водораздѣломъ рѣкъ Тухъ и Пшиси (**),

(*) Притокъ рѣки Пшехи; долина ея составляетъ часть долины Тубы.

(**) Этими именемъ называлась у горцевъ глубокая долина верхней части рѣки Пшехи.

мы выбрались на небольшую площадку и сбѣлали привалъ, чтобы дать подтянуться вьюкамъ. Едва я слѣзъ съ лошади, какъ ко мнѣ подошелъ Гуашевъ съ пучкомъ травы, похожей на листья ландыша, и, отдѣливъ половину, подавъ мнѣ, а остальную началъ жевать. Я понюхалъ пучекъ и чуть не бросилъ: острый запахъ чесноку оскорбилъ мое обоняніе и заставилъ меня догадаться, что это была черемша. Подошедшій къ намъ докторъ подтвердилъ мою догадку и, съ видимымъ удовольствіемъ, послѣдовалъ примѣру проводника. Подоспѣвшіе солдаты живо замѣтили лакомое растеніе и разсыпались по площадкѣ, отыскивая подножный кормъ.

— Это.... тово.... аііаиш игііиш, говорилъ Егоръ Петровичъ.... какъ эта рѣчка называется?

— Тухъ, отвѣтилъ я.

— Благодарю, я такъ и запишу... И онъ полѣзъ въ карманъ за тетрадкой.

Пройдя еще съ часъ ущельемъ Тухъ, мы вышли на другую большую площадку, на самомъ берегу рѣки. На ней стояло какое-то строеніе, или, лучше сказать, остатки постройки, похожей съ перваго взгляда на блокгаузъ безъ крыши. Оно имѣло квадратную фигуру, длиною по фасу около десяти сажень, и состояло изъ бревенчатого палисада. Часть ограды была разрушена; мы вошли во внутрь постройки. Тамъ мы увидѣли развалины трехъ деревянныхъ избъ, вѣнцевой кладки, и столько же остатковъ печей, частью кирпичныхъ, частью изъ бутового камня. Это-то и были остатки сереброплавильнаго завода Лапинскаго и К°.

Отсюда начинался уже настоящій подъемъ къ верховью Пяиси и мы, пройдя еще версты двѣ или три, вышли почти къ истокамъ этой рѣки. Погода нѣсколько прояснилась, но вѣтеръ дулъ съ прежнею силою. Часамъ къ пяти вечера, направляясь полугорьемъ, параллельно теченію Пяиси, пришли мы къ рѣкѣ Пшехѣ, и передъ нами раскинулась, во всей красотѣ, грандіозная котловина Тубы, окруженная высокими, скалистыми, частью покрытыми снѣгомъ, горами, по ребрамъ которыхъ пестрѣли зеленныя поляны и темныя пятна хвойнаго лѣса. Внизу, между цвѣтущими фруктовыми рощами и садами, яркими лугами и мрачными утесами неслась голубая Пшеха. Мы выбрали одну изъ терасъ надъ Пшехою, закрытую отъ вѣтра скалою, и стали. До вечера оставалось мало времени, и потому мы отложили подробный осмотръ Тубинской долины до другаго дня.

На утро погода была отличная. Мы спустились къ мѣсту впаденія рѣки Пяиси въ Пшеху и, пройдя версты двѣ, вышли къ устью

другаго ея притока, Тугупсу (впадаетъ слѣва). Здѣсь и почва, и растительность были совсѣмъ иныя: вмѣсто скалъ и хвойныхъ деревьевъ были отлогіе склоны, поросшіе дубовыми рощицами или густою зеленою травою. Мнѣ особенно понравилась послѣдній плоскій и отлогій уступъ, раздѣляющій въ низовьяхъ рѣку Испися отъ Пшехи. Покрытый молодымъ, стройнымъ дубовымъ лѣсомъ, съ удобными натуральными спусками, съ одной стороны въ Пшехю, съ другой къ Пшехѣ, онъ, сверхъ того, окруженъ былъ лугами и открывалъ превосходный видъ по всей длинѣ Тубинской котловины. Лучшаго мѣста для поселенія роты, казалось мнѣ, трудно было и пожелать. Я сообщилъ свое мнѣніе Ф*; но онъ думалъ иначе.

— Что вы, батюшка? возразилъ онъ, да развѣ можно въ такую трущобу людей ставить? Вѣдь тутъ только лѣсъ да лѣсъ, а ни воды, ни травы нѣтъ!... На такую гору ставить! Да тутъ часъ ходу къ водѣ, да отъ воды столько же. Что вы? Какъ можно?...

— Полноте, Афанасій Афанасьевичъ! Вы взгляните, какая покатая здѣсь гора. Вотъ и слѣды колесной дороги, отвѣчалъ я, показывая не совсѣмъ еще заросшую колею, ведущую прямо на уступъ. Ужь если горцы, не умѣя строить дорогъ, вѣздили здѣсь арбами, такъ чего же ротѣ бояться труднаго подъема. Съ другой стороны, тутъ все есть: лѣсъ дубовый, строевой; гдѣ срубилъ, тамъ и строй. Знаете что: поѣдемте, осмотримъ, а я встатіи набросаю кроки.

— Не хочу я на гору царапаться. Поѣзжайте сами, если охота, нетерпѣливо отвѣтилъ Ф* и, стегнувъ нагайкой коня, поѣхалъ впередъ шибкою иноходью.

— Ну, какъ хотите, крикнулъ я ему въ догонку; только мы съ докторомъ и съ проводниками поѣдемъ осмотрѣть этотъ лѣсокъ. Дѣло это займетъ, по меньшей мѣрѣ, полчаса; такъ подождите насъ внизу у воды... Съ этими словами, мы съ докторомъ рысью въѣхали на самую верхушку холма.

— Ахъ, Боже мой, какъ, тово, хорошо! возгласилъ Егоръ Петровичъ, восторгаясь дѣйствительно очаровательнымъ видомъ окрестности. Какъ называется это мѣсто?

Я передалъ его вопросъ Натырбову, но, къ несчастью, ни онъ, ни его товарищъ — знатокъ мѣстности — на этотъ разъ не могли удовлетворить любопытству доктора.

— Я запишу: незнакомое.... тово, живописное.... тово.... очаровательное мѣсто....

— Чтожь, запишите....

Мы объѣхали плоскую вершину терасы, которая, благодаря слу-

чайной—ли или искусственной рѣдкости лѣса и чистотѣ его, была всюду проведена. Сдѣлавъ необходимыя отбѣтки, вынулъ папку съ чертежными принадлежностями и инструментами и занялся кроки. Мѣсто признано было нами вполне удовлетворительнымъ и я не терялъ надежды убѣдить Ф* въ удобствѣ его занятія ротнымъ поселеніемъ. Занятіе мое было прервано прибытіемъ Н—ва.

— Ф* просить тебя поскорѣе кончать осмотръ, сказалъ онъ, а плана не снимать.

— Отчего же ему планы такъ не нравятся? Это хорошее дѣло, отвѣтилъ я, и для меня даже обязательное. До сихъ поръ я всегда дѣлалъ кроки всѣхъ, сколько нибудь удобныхъ для поселенія, мѣсть, такъ почему же мнѣ этого не снять? Передай, что я кончаю уже планъ...

Н—въ удалился, но не прошло и четверти часа, какъ явился самъ Ф*, въ сопровожденіи Н—ва. Я только-что окончилъ чертежъ и укладывалъ его въ походную сумку, которую за мной возили поочередно проводники.

— Эхъ, батюшка! заговорилъ Ф*, на этотъ разъ уже въ шипорномъ тонѣ. И охота вамъ такимъ вздоромъ заниматься? Только вотъ замедяете нашъ маршъ вашими планами. И къ чему они?

— Какъ къ чему, Афанасій Афанасьевичъ? отвѣчалъ я. Я долженъ буду отдать отчетъ въ своей командировкѣ начальнику области. Ну вотъ, для наглядности, и планы приложатся къ отчету; пусть начальство само видитъ и соображаетъ, гдѣ лучше людей ставить.

— Полноте! Бросьте, уничтожьте этотъ планъ! Я васъ прошу! Будьте такъ любезны! снова заговорилъ Афанасій Афанасьевичъ, съ видимыми признаками смущенія и робости.... Ну что вамъ стоитъ?

Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на него и никакъ не догадывался о причинѣ внезапной нелюбви почтеннѣйшаго, Афанасія Афанасьевича къ такой хорошей вещи, какъ кроки мѣстности.

— Охотно исполню просьбу вашу, отвѣчалъ я, если вы мнѣ объясните, отчего вамъ именно не хочется видѣть этотъ холмъ на бумагѣ. Снялъ же я около десятка мѣсть и вы ничего протявъ этого не имѣли, а теперь такъ недовольны; что за причина?...

— Эхъ, вы!... Богъ съ вами, если не хотите! Не жалѣете вы бѣднаго русскаго солдата! А я думаю.... Съ этими словами онъ хлестнулъ коня и поѣхалъ обратно къ командѣ.

Я былъ поставленъ совсѣмъ въ тупикъ странной просьбой полковника и минуты двѣ предавался размышленіямъ о различіи вкусовъ

людей вообще. Н—въ разрѣшилъ мнѣ загадочность своего начальника....

— А знаешь, братъ, отчего онъ не хочетъ, чтобы у тебя чертежъ уцѣлѣлъ? спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ, признаюсь....

— Онъ вѣдь въ этомъ дѣлѣ небожно силенъ, и думаетъ, что если ты представишь мѣсто въ хорошемъ видѣ на планѣ, такъ тутъ навѣрно роту и оставятъ, а можетъ быть даже и багалионный штабъ.

— Чего же онъ секретничаетъ? Сказалъ бы прямо, а то не хочетъ объяснить.... Да и чѣмъ ему это мѣсто нехорошо?

— Надобно думать тѣмъ, что въ Ф* вѣсу вѣрно вдвое чѣмъ въ насъ обоихъ вмѣстѣ; поэтому—то ему взбираться на горы и не сподручно. Но, главное, я полагаю, онъ боится, что если какое-нибудь изъ выбранныхъ тобою мѣстъ придется начальству очень по вкусу, такъ прикажете, пожалуй, разстаться съ Хамышками.

— Но вѣдь онъ былъ же доволенъ Мезмаемъ и не боялся насенія его на планѣ.

— Мезмай—другое дѣло, то еще лучше Хамышковь: и лѣсу много, и вывозъ легкій; можно и пильную мельницу устроить, и всякія хозяйственныя заведенія.... Опять разница: на Мезмай—ли штабъ-квартира будетъ, или здѣсь: тамъ всё строительныя матеріалы подъ бокомъ: казармы—ли, что—ли другое, навѣрное разрѣшать хозяйственнымъ способомъ строить. А вѣдь ты знаешь самъ: ежели хозяйственнымъ способомъ казеннаго козла за хвостъ подержать, или хоть около казенной муки потереться, такъ и тогда въ убытокъ не останешься.

Тамъ временемъ мы начали спускаться съ холма. Оглядываясь по сторонамъ, чтобы проверить и исправить свой чертежъ, я замѣтилъ влѣво отъ дороги два небольшіе дубка, выросшіе на буграхъ, формою и величиною похожіе на селитряные бурты. Указавъ ихъ Гуашеву, я спросилъ у него значеніе этихъ неровностей почвы.

— Это могилы, передалъ мнѣ Натырбовъ его отвѣтъ.

Мы поѣхали въ ту сторону и увидѣли, что весь склонъ терасы, до самой ея подошвы, былъ усыянъ могильными насыпями, слишкомъ однако крупными для одиночныхъ людей, тѣмъ болѣе, что горцы, большею частью мусульмане, неглубоко закапываютъ своихъ покойниковъ, а не дѣлая большой выемки, не могутъ и насыпать высокихъ кургановъ. Почти на каждомъ курганѣ росло дубовое дерево, иногда и нѣсколько деревьевъ.

Такое множество могилъ заставило меня спросить: не было-ли здѣсь у тубинцевъ когда либо большаго сраженія?

— Было, отвѣтилъ Натырбовъ: у горцевъ рѣдкій мѣсяць проходилъ безъ дѣла; но это могилы не убитыхъ въ сраженіи, а, должно быть, умершихъ отъ болѣзни, которая въ горахъ была при предѣлѣхъ моимъ. Тогда цѣлыя племена вымерли. Болѣзнь эта приходила изъ Турціи, и отъ нея никто не выздоравливалъ.

Нетрудно было догадаться, что рѣчь шла о чумѣ, которая, въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія, уничтожила болѣе трети горскаго населенія западнаго Кавказа. Въ кавказскихъ архивахъ есть въ дѣлахъ указанія объ этомъ страшномъ бѣдствіи.

Слова проводника заставили меня призадуматься надъ выгодой помѣщенія роты въ сосѣдствѣ съ чумнымъ кладбищемъ. Конечно, почти сто лѣтъ времени могли обратиться и, вѣроятно, обратили въ прахъ все, что только могло сообщать заразу, но вѣдь могла же на бѣду откопаться какъ-нибудь, при разработкѣ дороги, при копаніи отгородныхъ грядъ или при иной работѣ, часть гребя или кости зачумленная....

Я спросилъ Г—го: можно-ли заразиться на чумномъ кладбищѣ и черезъ сколько, примѣрно, лѣтъ послѣ погребенія покойника все заморанное въ землю истлѣваетъ; но почтенный Бгоръ Петровичъ не могъ мнѣ дать на это положительнаго отвѣта, пояснивъ только, что чума—болѣзнь, отъ которой еще лекарство невмудувано, да и сама болѣзнь совсѣмъ почти не исследована.

— А что значать деревья на могилахъ? спросилъ я Натырбова.

— Это адать (обычай) такой прежде былъ. Деревья сажали на могилахъ, чтобы родные могли узнать могилу и курбанъ (*) приносить.

Это объясненіе навело меня на мысль по возрасту дерева попытаться опредѣлить старость кладбища. Я выбралъ самый толстый дубокъ, діаметромъ, однако, не болѣе одного фута, и попросилъ проводниковъ срубить его. Они принялись тесать его кинжалами и черезъ нѣсколько минутъ просѣкли на стволѣ, что можно было приблизительно сосчитать число слоенъ. Я насчиталъ ихъ больше 80, что указывало на эпоху моровой явы, какъ разъ совпадающую, по времени, съ разговоромъ герца.

Мы присоединились къ ожидавшей насъ командѣ и нашли Ф* крѣпко не въ духѣ. Завидя насъ, онъ тотчасъ же приказалъ командѣ идти, и самъ выѣхалъ впередъ. Подогнавъ его, я хотѣлъ спросить, не слышалъ-ли онъ чего-либо о давней чумѣ; но сумрачный его

(*) Жертва.

видѣ, вмѣстѣ съ опасеніемъ подвергнуться поученію о необходимости гуманнаго взгляда на солдата, удержали меня.

Я теперь тоже находилъ неудобнымъ селить роту при впаденіи Псидиси въ Пшеху; но мнѣніе мое основывалось на опасности, какую представляло сосѣдство владбища. Мы проѣхали молча около получаса внизъ по долинѣ, переправясь дорогою съ полдюжины разъ черезъ рѣчку Пшеху. На одномъ изъ большихъ поворотовъ этой извилистой рѣчки, изъ кустовъ выскочили двѣ лисицы и понеслись вправо въ горы. Проводники мои не вытерпѣли и поскакали за ними. Раздалось нѣсколько неудачныхъ выстрѣловъ—и звѣри только прибавили ходу. Тѣмъ не менѣе приключеніе это развлекло и насъ, и Ф*. Онъ тоже прикрикнулъ—было и даже повалился скакать, но раскормленный конь его, сдѣлавъ только два-три прыжка, фыркнулъ и перешелъ въ иноходъ, наотрѣвъ отказавшись тащить грузную полювничью фигуру нескромнымъ ажуромъ.

— Что-же вы не поскачете за лисицами? обратися онъ ко мнѣ; вѣдь вы охотникъ?

Я отвѣчалъ, что люблю охоту ружейную, а не псовую, и что скакать безъ толку за звѣремъ безъ собакъ—значить только мучить и себя, и лошадь.

— Это правда. Вотъ вы, видно, хозяинъ хорешій: и лошадь даже жалѣете, а какъ же мнѣ не жалѣть моихъ солдатъ: это вѣдь люди....

Я видѣлъ, куда влѣзется разговоръ, и спѣшилъ избѣгнуть опасности.

— Успокойтесь, Афанасій Афанасьевичъ, отвѣчалъ я. Роты я тамъ не оставлю, и въ отчетѣ опишу это мѣсто такимъ, что его будутъ просто обѣгать.

— Быть не можетъ! вырвалось у него. Ахъ, спасибо вамъ! Ну какой-же вы! И отчего прямо не сказать! А планъ тоже уничтожите?

— Уничтожу, будьте покойны. А если и не уничтожу, то обѣщаю стараться, чтобы тамъ васъ не поселили.

Ф* успокоился, хотя и косился еще по временамъ на Натырбова, у котораго въ тотъ день висѣла черезъ плечо моя чертежная сумка. Онъ даже началъ удивляться красотамъ долины, дѣйствительно прелестной. Только докторъ что-то подремывалъ на своемъ хакучицѣ, неуловимо покачиваясь въ сѣдлѣ.

Часъ спустя, мы пришли къ устью рѣчки Гогопсъ, впадающей въ рѣчку Пшеху слѣва. Изъ верховья Гогопса, близко сходящагося съ верховьями Хакучице (притокъ Псезуане) и Ашше, лежитъ тропа, по

которой хищники южнаго склона переходили на сѣверный, для грабежа и воровства. Несмотря на двукратный походъ противъ нихъ въ 1865 году (весною и осенью) и на выселеніе, въ томъ же и въ слѣдующемъ году, нѣсколькихъ тысячъ хакучей въ Турцію, сотни двѣтри этихъ разбойниковъ еще держались въ горахъ, въ чрезвычайно дикои мѣстности истоковъ рѣкъ Шахе, Бзыча (притокъ рѣки Шахе), Ашше и Нуажи (притокъ рѣки Ашше).

Тубинская долина, по своей величинѣ и богатству, а также по доступамъ изъ нея въ долины Пшыша, Цеде и на южный склонъ, требовала непремѣннаго надзора и постояннаго присутствія, хотя небольшого числа, хорошо вооруженныхъ и готовыхъ къ отпору людей. Устье рѣки Гогопса, какъ находящееся почти на срединѣ Тубинской долины, представляло, повидимому, наибольшія удобства въ военномъ отношеніи, давая возможность съ одинаковою быстротою поспѣвать всюду, откуда бы хищники ни показались. Я сообщилъ свое мнѣніе Ф*. Онъ согласился съ нимъ вполне. Оставалось только сдѣлать выборъ хозяйственный и гигиеническій, т. е. отыскать мѣста, съ признаками здороваго климата, для строеній и осмотрѣть необходимыя уголья. Н—въ, бывший здѣсь, и прежде говорилъ, что всего въ полуверстѣ есть довольно возвышенная площадка, обильно снабженная водою и пригодная для разбивки поселка. Мы сдѣлали привалъ командѣ и вьюкамъ на берегу рѣки Гогопса, въ фруктовомъ саду, вѣроятно составлявшемъ часть усадьбы какого-нибудь зажиточнаго горца, что доказывали окружающія его темныя пятна пожарищъ и обгорѣлыя остатки саклей и плетевой огорожи, а сами поѣхали за Н—мъ внизъ по Пшехѣ.

Мы переѣхали въ бродъ рѣку Гогопсъ, и Н—въ повелъ насъ, извилистой тропинкой, на одну изъ ближайшихъ терасъ. Площадь ея, (около $\frac{1}{4}$ квадратной версты), слегка наклоненная къ сѣверу, покрыта была зеленою травкою и группами кустовъ и фруктовыхъ деревьевъ. Надъ нею подымался другой уступъ, такой же плоскій, еще болѣе обширный, соединенный съ первымъ отлогимъ спускомъ. Посрединѣ между ними одиноко торчалъ небольшой холмъ, изъ котораго подымались фантастическіе очерки огромной скалы—«Монастырь» (*).

Названіе «Монастырь» дано этому утесу солдатами за его оригинальную форму. Только не скажу, чтобы онъ напоминалъ нашу или византийскую церковную архитектуру; скорѣе это абатство, или развалины рыцарскаго замка. Высокіе пики гранита, точно обелиски, въ

(*). Насупротивъ бывшей станицы Тубинской, разселенной по нездоровью климата.

нѣсколькихъ мѣстахъ высится изъ массивнаго каменнаго параллелепипеда, прислоненнаго заднимъ фасадомъ къ верхней терасѣ. Темныя трещины, зубцы и пятна, вкрапленныя въ общемъ сѣромъ фонѣ гранита съ замѣчательною правильностью, въ тѣхъ именно мѣстахъ, гдѣ глазъ, встрѣчавшій контуры подобныхъ зданій на берегахъ Рейна и Эльбы, ницетъ дверей, оконъ и подъемныхъ мостовъ, придаетъ еще болѣе сходства этой игрѣ природы съ дѣломъ средневѣковаго зодчества. У подошвы каменной глыбы протекалъ быстрый, прозрачный ручей и каскадомъ сбрасывался въ Шшеху. Деревья, живописными группами окружающія этотъ прелестный уголокъ, представляли смѣсь флоры средней полосы Россіи съ деревьями чисто-южнаго характера: такъ, яблоныя и ольшанники встрѣчались въ сосѣдствѣ съ высокой черешней и персикомъ.

Объѣхавъ площадку, я занялся наброской ея на бумагу. Ф*, сначала косо взглянувшій на мое занятіе и даже занннувшійся—было о неудобствахъ спуска къ рѣкѣ, успокоился, увидѣвъ, что, помимо близости Шшехи, уголокъ этотъ снабженъ достаточно водою ручья. Въ тому же живописность мѣста и видимое отсутствіе сырости почвы и неравнучной, въ такомъ случаѣ, лихорадки, обратили даже его вниманіе и помирли съ моимъ занятіемъ.

Пока я, взобравшись на верхнюю терасу, занятъ былъ черченіемъ, проводники мои о чемъ-то горячо разговаривали, и Гуашевъ энергично жестикулировалъ. Кончивъ работу, я спросилъ Натырбова: о чемъ шла рѣчь?

— Пустыни рассказываетъ, отвѣчалъ тотъ, пожавъ плечами, и снова закокалъ и захрипѣлъ по-черески, обращаясь къ товарищу.

— Переведи, однако, эти пустыни.

— Говорить, началъ Натырбовъ, что очень давно, когда люди не умѣли еще строить саклей, а жили какъ звѣри и питались чѣмъ попало, жилъ на землѣ сильный и умный джигитъ. Все ему удавалось. Стада у него были, а ни у кого ихъ не было. Сталъ онъ первый людей учить, какъ звѣрей ручными дѣлать, какъ сакли строить, вмѣстѣ жать и никого не бояться. Трудно было ему одному: никто сначала не вѣрилъ ему, но онъ былъ сильный и умный человѣкъ и усилъ наконецъ. Послушалось его нѣсколько семействъ и выстроили маленькій аулъ, приручили козъ и барановъ, завели стада и собакъ. Тогда еще не знали люди, какъ огонь добывать, а если и видѣли, что гроза дерево зажметъ, такъ бѣжали прочь и прятались, чтобы и ихъ громъ не убилъ. Одинъ тотъ джигитъ ничего не боялся и часто ходилъ смотрѣть, какъ лѣсъ горитъ отъ молніи.

Разъ ходили стада на горахъ, надъ пропастью. Поднялась гроза, молнія ударила въ самое стадо и оглушила одного пастуха. Прочіе бѣжали въ свой аулъ; стадо испугалось и, бросившись со скалы, все погнбло. Одинъ только сильный человѣкъ не испугался, отнесъ пастуха въ пещеру, пробылъ съ нимъ цѣлый день, а на другой день привелъ его въ аулъ совсѣмъ здороваго. Испугался аулъ и сталъ вѣрить сильному человѣку во всемъ, и почиталъ его какъ Аллаха. И показавъ сильный человѣкъ людямъ, какъ огонь изъ кремня добывать, какъ желѣзо ковать; многomu хорошему выучилъ онъ свой аулъ, забывъ только научать Богу молиться.

Однажды проснулись въ аулѣ люди, видятъ: нѣтъ сакали сильного человѣка, а только зола на томъ мѣстѣ видна. Начали искать— не нашли нигдѣ. Долго ходили, вернулись наконецъ и стали думать, что онъ оставилъ неосторожно огонь на печь, да и сгорѣлъ. Только тотъ пастухъ не повѣрилъ, чтобы такой умный человѣкъ могъ пропасть по глупости своей; простился съ товарищами и пошелъ искать его по цѣлому свѣту. Много лѣтъ ходилъ онъ: взбирался на высія горы, спускался въ глубокія ущелья, переплывалъ моря и рѣки, а друга своего не находилъ. Изъ молодого человѣка сдѣлался аксакаломъ (*), а все искалъ— не хотѣлъ умереть, не отыскавъ его. Наконецъ пришелъ сюда въ Тубу. Обомлелъ онъ всѣмъ горни, горы и овраги, утомился наконецъ, и приблизился къ одной скалѣ, чтобы заснуть подъ ней, какъ слышитъ: кто-то зоветъ его по имени. Онъ поднялъ голову и видитъ, что надъ нимъ виситъ тотъ, кого онъ искалъ, прикованный цѣпью къ самой верхушкѣ скалы, а около него два орла летаютъ, попеременно на него садятся и друдь ему вляютъ. Испугался аксакалъ и упалъ лицомъ на землю. «Ты-ли это, сильный человѣкъ? пригнулъ онъ несчастному?.... За что и кто тебя такъ мучить?»

— Я, отвѣчалъ тотъ. И за то меня Аллахъ на казнь такую осудилъ, что я его забылъ и самъ сталъ думать, что равенъ ему; послѣ того какъ тебя громомъ оглушило и я возвратилъ тебя къ жизни, я пересталъ ему молиться. Теперь ты видишь, какъ я мучусь! То, что днемъ выключаютъ эти скверныя птицы, ночью нарастаетъ, чтобы я умереть скоро не могъ и вытерпѣлъ до конца свое наказание.

— Что же нужно сдѣлать, несчастный, чтобы умилостывить Аллаха, и чтобы онъ тебя простилъ?

— Нужно молиться и столько выплакать слезъ, чтобы отъ нихъ

(*) Букаважно: была борода, т. е. старикъ.

цѣпи мои проржавѣли насвобозь. Тогда, значить, Аллахъ меня простилъ, потому что я упаду и убьюсь до смерти.

И сталъ аксакалъ на молитву подь скалою. Долго и усердно молился и плакалъ онъ, и каждый разъ, когда падала слеза его на землю, звенѣли цѣпи прикованнаго, и птицы пугливо отлетали, а осужденный вѣдыхалъ свободнѣе. И молился аксакалъ Аллаху, чтобы онъ не далъ ему смерти, пока не вымелить прощенья осужденному. Прошло много мотъ лѣтъ, и все онъ стоялъ на молитвѣ, не ѣлъ и не пилъ ничего и не спалъ даже, а все плакалъ. Разъ, когда онъ особенно усердно молился, почувствовалъ онъ, что спать хочется. Заснулъ онъ и снится ему, что кто-то ему во снѣ говоритъ: «Молитвы твои услышаны, скоро умереть преступникъ, а ты иди въ свой аулъ и научи людей, чтобы меня не забывали, да приведи сюда кого-нибудь изъ нихъ, чтобы видѣли, какъ я наказываю тѣхъ, кто меня забываетъ и не слушаетъ».

Пробудясь аксакалъ и догадался кто съ нимъ говорилъ. Посмотрѣлъ на друга своего, видитъ: цѣпи совсѣмъ на немъ проржавѣли, едва держатся, и птицъ нѣтъ, и самъ онъ чуть-чуть дышетъ. Опротью побѣжалъ старикъ въ свой аулъ. Приходить—вмѣсто одного аула, цѣлый народъ живетъ; смотреть на него и удивляются. Сталъ онъ имъ рассказывать какъ и за чѣмъ пришелъ—не вѣрять. Долго упрашивалъ онъ идти за нимъ, наконецъ убѣждалъ: можно за нимъ нѣсколькю человекъ. Приходятъ, увидали, да такъ испугались, что упали наемь и поклонились Аллаху. Только что они это сдѣлали, ударилъ громъ, затряслась земля, и прикованный уналъ, рассыпавшись драхомъ, а друга его аксакала Аллахъ обратилъ въ ручей. У нихъ, какучей, говорятъ, что это-вотъ та самая скала, гдѣ сильный человекъ прикованъ былъ, а это, добавилъ Натырбовъ, тотъ самый ручей, въ который Аллахъ аксакала обратилъ.

Я задумался надъ этимъ рассказомъ. Сходство его съ легендою о Прометѣе устранило всѣ сомнѣннн о тождествѣ съ послѣднею. За Кавказомъ очень распространено подобное же сказаннн, и его относить то къ той, то къ другой горѣ или скалѣ, чѣмъ-либо цѣрзавишею воображеннн окрестныхъ жителей и расннвеличенней ихъ чуткую фантазю. Тамъ, преданнн о волшебникѣ Амнранѣ, прикованномъ то внутри Эльборуса, то на одной изъ горъ Лезгуна, извѣстно и грузинамъ, и лезгинамъ, и осетинамъ.

— Какъ же звали сильного человека, котораго Аллахъ наказалъ спростать я.

Натырбовъ перевелъ мои слова.

— «Хамри», отвѣтилъ тотъ.

Я занесъ въ свой походный журналъ рассказъ полудняго хакуча, въ той подробности, въ какой слышалъ, какъ любопытный фактъ живучести народныхъ преданій и какъ образчикъ яркой фантазіи племени, еще неуспѣвшаго выйти изъ младенчества. Какъ и чѣмъ запечатѣлся въ народномъ воображеніи этотъ влліискій мифъ; почему и древніе греки, и полудниіе хакучи относятъ мѣсто казни Прометея къ одной изъ скалъ Кавказа; объясняется-ли этотъ фактъ присутствіемъ въ горахъ послѣдняго выселенія $6^3/6$ года, потомковъ древнихъ аргонатовъ, ходившихъ въ Колхиду, или занесенъ онъ сюда въ позднѣйшую эпоху, въ эпоху, можетъ быть, процвѣтанія Босфорскаго царства—Понта, или въ пору богатства и силы греческихъ колоній Тавриды—вотъ вопросы, которые тѣснились въ моей головѣ, не находя рѣшенія.

— Что вы тутъ такъ долго съ вашими планомъ замѣшались? обратился ко мнѣ Ф*. О! да вы уже кончили, видноъ теперь любуетесь. А точно отаичный видъ!....

— И мѣсто удобное во всѣхъ отношеніяхъ, прибавилъ Н—въ. Вотъ только какъ климатъ?... И онъ вопросительно взглянулъ на Г—го, взобравшагося вслѣдъ за Ф* на верхнюю терасу и разгуливавшаго по ней, внимательно смотря себѣ подъ ноги.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, докторъ, обратился къ нему Ф*, какъ вы находите: мѣсто это здоровое?

— Это, тово.... ахъ!.... да, здоровое, отвѣтилъ Егоръ Петровичъ, т. е. вѣроятно очень здоровое, а впрочемъ... тово... Богъ его знаетъ.... И онъ снова задумчиво побрѣлъ по площадкѣ.

За выборомъ двухъ мѣстъ, одного на рѣкѣ Мезмаѣ, другаго на рѣкѣ Цеце, третьимъ мѣстомъ, признаннымъ нами удобнымъ, была только-что видѣнная нами тераса. Оставалось еще осмотрѣть пространство между верховьями рѣкъ Пшехи и Пшиша, да Гойтхскій перевалъ (гдѣ начальство Области шло въ виду непременно поселить роту, чтобы обезпечить безопасность и непрерывность сообщеній по лучшей въ то время поперечной дорогѣ Кубанской Области: туансанской или гойтхской), и задача осмотра района размѣшенія роты № баталіона на томъ и оканчивалась. Мнѣ, по многимъ причинамъ, хотѣлось поскорѣе справиться съ командировкой, и потому, возвратясь къ командѣ, я тотчасъ же занялся распросами у Гуашева о горномъ пространствѣ между верховьями Пшехи и Пшиша, шло въ виду убѣдить Ф* пройти въ тотъ день еще хоть полъ-перехода.

Я узналъ отъ проводниковъ, что, несмотря на близость верховій

этихъ двухъ рѣчекъ, расходящихся подъ прямымъ угломъ, до ближайшей, удобной для заселенія мѣстности въ долину Шиша, около 45 верстъ, очень плохой дороги, особенно на серединѣ, гдѣ, близъ горы Шесси, приходилось перевалиться черезъ высокій отрогъ главнаго хребта. Расчетъ мой—немедленно спятси, чтобы, пользуясь остаткомъ дня, уйти еще верстъ 15, и на другой день сдѣлать переходъ къ станицѣ Перевальной, въ долину Шиша—долженъ былъ уступить очевидной невозможности сдѣлать въ одинъ день остальную часть пути въ долину Шиша, а неудача, въ этомъ случаѣ, могла принудить насъ заночевать на сѣговомъ хребтѣ—вещь, какъ мнѣ по опыту было извѣстно, неприятная и совершенно ненужная.

— Ну, что же, какъ вы порѣшили? встрѣтилъ меня Афанасій Афанасьевичъ, когда я, окончивъ свои занятія, присоединился къ общей компаніи, расположившейся у огонька въ ожиданіи обѣда.

— Хотѣлъ—было просить васъ выступить, чтобы успѣть еще маленькій переходъ сдѣлать, да, по расчету, не приходится. И я объяснилъ, со словъ Гуашева, характеръ предстоящихъ намъ переходовъ. Мы остановились на мысли переночевать на Гоголсѣ, а на завтра пройти верстъ двадцать и стать на ночь у подошвы подъема на отрогъ Шесси, съ тѣмъ, чтобы на третій день, перевалившись въ Шишъ, дойти хотя до станицы Перевальной.

Докторъ, все время помалчивавшій, въ послѣдніе дни чувствовалъ себя нездоровымъ и былъ еще молчаливѣе.

Чтобы убитъ остатокъ дня, мы съ Н—нъ, послѣ обѣда, взявъ съ собою проводниковъ и Пахомова, проѣхались верхомъ сперва вверхъ по Гоголсу, а потомъ назадъ и внизъ по Шехѣ версты на четыре или на пять. Въ обѣихъ этихъ долинахъ мы нашли много сѣдковъ жадья, отличныя фруктовыя деревья, старыя пахати и луга (особенно на Шехѣ), но еще болѣе видѣли недавнихъ могилъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были украшены памятниками изъ бѣлаго мрамора, въ видѣ узкой плиты, вертикально воткнутой въ насыпь и увѣнчаной чамою. Надписи, которыми они были покрыты и въ которыхъ я думалъ доискаться намека о личности покойниковъ, состояли, по большей части, или изъ стиха корана, высѣченнаго затѣйливымъ рюк'езъ (*), или изображали очень длинное турецкое или арабское имя, какими, сколько мнѣ извѣстно, горцы не назывались. Проводники объясняли мнѣ эту странность тѣмъ, что монументы привозились изъ Константинополя уже готовыми, на турецкихъ ко-

(*) Особенно красивый, но нечеткій шрифтъ арабской азбуки.

чермахъ, пристававшихъ въ Туапсе, и горцы, за исключеніемъ хаджіевъ и муллъ, знавшихъ арабскій языкъ, совсѣмъ и не придавали надписямъ значенія надгробныхъ эпитафій, а смотрѣли и на самые памятники какъ на украшеніе, ставя ихъ не только на кладбищахъ, но и въ садахъ.

Прогулка наша кончилась къ сумеркамъ. Г—ій не выходилъ изъ палатки, и Ф* видимо скучалъ, не зная съ кѣмъ подѣлиться своимъ взглядомъ на службу вообще и на службу солдата въ особенности. Нашему возвращенію онъ очень обрадовался и тотчасъ же распорядился и чаемъ, и разговоромъ. Первому я не пренятствовалъ; второй же направлялъ неподволь на богатство легендъ въ горахъ кавказскихъ, высказалъ сожалѣніе, что, за выселеніемъ горцевъ, Кавказъ много утратилъ и своей дикой поэзіи, и матеріаловъ для исторіи и этнографіи края. Въ заключеніе я передалъ ему рассказъ о Хамри.

Ф* былъ очень обрадованъ очевиднымъ родствомъ этой легенды съ греческой и до самого ужина продолжалъ рассказывать о подвигахъ Бодариса, Ламбро и другихъ героев освобожденія Греціи.

Мы выступили на другой день на разсвѣтъ и, обогнувъ полугорьемъ хребтъ Шессы и перевалившись дорогой черезъ дюжины двѣ большихъ и малыхъ его отроговъ, часамъ къ четыремъ стали бивуакомъ въ широкой котловинѣ невысокаго, излучистаго хребта, отдѣляющаго воды правыхъ притоковъ рѣчки Бушако (впадающей въ Пшеху ниже Гогопса, близъ станицы Бушинской), отъ правыхъ же верхнихъ притоковъ рѣчки Шиша. Докторъ чувствовалъ себя все еще недоровымъ, и пересталъ даже интересоваться рѣдкими травами и растеніями. Только разъ, когда, при перѣздѣ черезъ какой-то ручей, мы спугнули стадо дикихъ свиней штукъ въ сорокъ, онъ не вытерпѣлъ и взялся за тетрадку, чтобы занести въ нее это достопримѣчательное событіе.

Жаль намъ было почтеннаго Егора Петровича, и мы хотѣли—на случай, еслибы ему стало хуже—по приходѣ на Гойтхскій перевалъ, откуда уже производилось постоянное почтовое движеніе по всѣмъ колеснымъ дорогамъ области, предложить ему возвратиться домой.

Встрѣча дикихъ свиней расшевелила и во мнѣ, и въ охотникахъ нашей команды невродовскіе инстинкты, и, какъ только палатки наши были разбиты, я, взявъ четырехъ стрѣлковъ, товарищей по неудачной охотѣ въ долину Мезмая, отправился съ ними на поиски. Но увы! и тутъ вышло тоже самое. Кому-то удалось сдѣлать выстрѣлъ, какъ увѣряли по кабану; но добыча ушла въ лѣсъ, гдѣ и понынѣ, вѣроятно, благоденствуетъ. Мы вернулись уже при лунѣ.

Ф*, въ ожиданіи ужина, спалъ. Утомленный моціономъ цѣлаго дня, я послѣдовалъ его примѣру, поручивъ Н—ву передать, на случай приглашенія къ ужину, мой отказъ. Мнѣ хотѣлось отдохнуть и набраться силъ для завтрашняго похода.

На другой день мы начали нашъ подъемъ къ перевалу въ Пшишъ.

Свойства дороги, описанныя наканунѣ Гуашевымъ, оказались точно не изъ приятныхъ. Мы маршалились на подъемъ крутизною не менѣе 15°, сначала черезъ сплошной еловый лѣсъ, а потомъ по снѣжнымъ прогалинамъ. Чтобы облегчить вьючныхъ лошадей, мы отъ времени до времени дѣлали короткіе привалы, но все это было недостаточно: подъемъ, на который мы лѣзли уже четыре часа, казался безконечнымъ, а исперченная валемшикомъ и терявшаяся подъ снѣгомъ и сухимъ листомъ тропа, заставляя часто прибѣгать къ помощи топоровъ и заступовъ, еще болѣе замедляла нашъ маршъ. Верхнихъ лошадей всѣ мы вели въ рукахъ, кромѣ Ф*, которому, при его полнотѣ, нечего было и думать взбираться пѣшкомъ на такую крутизну. Подъ нимъ былъ небольшой, но чрезвычайно широкій входецъ завода Лоова, вынесшій на своей спинѣ полновѣсную особу съдома и утомившійся не больше нашихъ лошадей, шедшихъ въ поводу. Тяжелѣе другихъ былъ этотъ путь для Егора Петровича. Ослабленный недавнимъ пароксизмомъ лихорадки, онъ еле держался въ сѣдлѣ. Наконецъ и онъ слѣзъ и поплелся пѣшкомъ, держась за стремя. Моціонъ этотъ, однако, оказалъ на него отличное дѣйствіе и помогъ его скорому выздоровленію.

Часамъ къ двумъ, мы подобралась къ остроконечному снѣговому пиву, какими-усянъ отрогъ Шесса. Здѣсь мы сдѣлали получасовой привалъ, приказавъ снять вьюки съ лошадей. Несмотря на холодный вѣтеръ съ легкимъ морозомъ, намъ было жарко и хотѣлось пить, и мы съ Н—вымъ и съ проводниками отправились отыскивать воду.

Едва мы сдѣлали нѣсколько десятковъ шаговъ въ сторону отъ тропинки, на которой стагивалась наша команда, какъ Гуашевъ, котораго волчьи глаза не могли останавливаться больше секунды на одномъ предметѣ, нагнулся къ кучкѣ сухаго листа и хвои и, внимательно взглянувшись въ нее, заболталъ по-черкесски, обращаясь къ Натырбову. Я успѣлъ только разобрать изъ его рѣчи одно знакомое слово: «хогура», что означало дорогу. По энергическимъ жестамъ его можно было догадаться, что рѣчь идетъ о вещи очень интересной. Оказалось, что нашъ Патфайндеръ открылъ саму, или слѣдъ большаго табуна лошадей, пробѣжавшихъ недавно черезъ тропу, которою мы слѣдовали; что онъ уже видѣлъ разъ слѣды эти неподалеку отъ мѣ-

ста привала и принялъ ихъ сначала за слѣдъ нашихъ же вьючныхъ коней. — Я знаю, добавилъ онъ, что отсюда есть дорожка въ верховье рѣки Нуажи (притокъ рѣки Адише, на южномъ склонѣ), но только ея, кромѣ хакучей, никто не знаетъ, потому что русскіе хотя и были въ прошломъ году въ истокахъ Нуажи, однако ходили не по ней.

Обстоятельство это, точно, становилось загадочнымъ. Я пригласилъ Ф*, и мы всѣ вмѣстѣ, подъ руководствомъ Гуашева, прослѣдили саему шаговъ на сто. Слѣды, повидимому, избѣгали снѣга, попадаясь на немъ только случайно, и нетрудно было догадаться, что такая странность не могла быть дѣломъ одного случая.

Подтянувъ вьюки и на всякій случай отправивъ впередъ, въ видѣ патруля и фланговыхъ цѣпей, десять изъ наиболѣе проворныхъ стрѣлковъ, мы продолжали подъемъ, который, впрочемъ, здѣсь уже становился не такъ крутъ, менѣе лѣсистъ, и потому представлялъ больше удобствъ для движенія. Черезъ полчаса мы взобрались на плоскій и узкій гребень, слегка покрытый снѣгомъ. Отсюда начинался уже спускъ въ долину Пшиша. Гуашевъ, сдѣлавшійся послѣ открытія имъ саими еще болѣе осмотрительнымъ, остановилъ насъ еще разъ, указавъ на слѣдъ какаго-то звѣря изъ породы оленя, лося или быка, что можно было вывести по отпечатку его огромнаго раздвоеннаго копыта. Величина слѣда была нѣсколько больше чайнаго блюдца. Звѣрь шелъ, повидимому, рысью, потому что слѣды были вытянуты въ одну линію; но разстояніе между ними было не менѣе полутора аршина. Гуашевъ увѣрялъ, что это огромный дикій быкъ, называющійся у горцевъ дымъ-бей, или адымъ-бей, т. е. зубръ; но я не смѣю утверждать, чтобы слѣды именно принадлежали зубру, такъ какъ, сколько мнѣ извѣстно, животное это водится подъ главнымъ хребтомъ только на границахъ Абхазіи и Цебельды, да въ верховьяхъ Кубани, и не любитъ подходить къ жалью, а мы были слишкомъ далеко отъ тѣхъ мѣстъ и находились всего въ двухъ часахъ пути отъ станицы Перевальной. Съ другой стороны, я не знаю иного животнаго, которое, принадлежа къ виду быка, имѣло бы такіе громадные размѣры. Предоставляя, впрочемъ, людямъ болѣе компетентнымъ рѣшить вопросъ: встрѣчается ли зубръ въ верховьяхъ Пшиша — передаю что видѣлъ.

Съ началомъ спуска, намъ открылся превосходный видъ на длинную, узкую долину Пшиша. Солнце ярко свѣтило, и, заслоняясь по мѣрѣ нашего спуска отъ холоднаго вѣтра, мы чувствовали, что изъ негостеприимной области зимы переходимъ въ царство весны. По обѣимъ сторонамъ нашей дороги показалась земля старыхъ горскихъ

нащей и развалины ауловъ. Вдали блѣлась станица Перевальная, живописно притивнившаяся на берегу Ишныя. Стускъ нашъ былъ гораздо отложѣ подъема, и только жѣстами, вслѣдствіе преобладанія въ грунтѣ желкаго шифера, были осыпи, заставлявшія насъ прибѣгать къ помощи лопать. Мы прибавили шагу, и часамъ къ четыремъ, выѣхали уже на колесную дорогу, верстахъ въ двухъ отъ станицы Перевальной.

Длинный, утомительный переходъ, часть котораго пришлось сдѣлать нѣшкомъ, и свѣжій горный воздухъ, раздразнили мой аппетитъ, и я, взявъ съ собою Натырбова и Н—ва, поспѣшилъ въ станицу, поискать съѣстнаго.

Черезъ четверть часа мы были уже въ самой станицѣ и отыскивали хату получше, гдѣ бы можно было остановиться. Подѣзжая къ станицѣ, я былъ удивленъ малымъ количествомъ запашки, ауловъ и сѣнокосовъ, рѣдостью и невзрачнымъ видомъ деревьевъ и отсутствіемъ той домотопности и той зажиточности, которыя такъ бросаются въ глаза при въѣздѣ въ любую изъ станицъ старыхъ линий. Межи маленькія, наполовину передостроенныя, разбросаны въ беспорядкѣ далеко не такъ живописномъ вблизи, какъ издали; нигдѣ не видать ни запасовъ хлѣба, ни рабочаго скота. Пять, шесть тощихъ свиней съ трехугольными ярмами на шеяхъ, нѣсколько ауръ перебѣжавшихъ намъ дорогу съ пугливымъ кудахтаніемъ, да оцетинившіяся и вслѣдъ затѣмъ завывшія голодный песь, были единственными живыми существами встрѣтившимися намъ. Только подѣзжавъ къ первой изъ избъ, которую можно было безъ грѣха назвать не лачужной, мы увидѣли вышедшую на крыльцо пожилаую бабу, въ плохой одеженкѣ, глядѣвшую на насъ изъ-подъ руки, которою она заслонялась отъ солнца.

— Здравствуй, землячка! Нельзя ли у васъ въ хату на полчаса, пока команда подойдетъ? обратился я къ ней.

— А вы кой? спросила она меня вмѣсто отвѣта.

— Да вотъ съ командой съ горъ спустились, жѣста и дороги развѣдывали.

— Казенная фатера будетъ вотъ—эна—гдѣ!.. И она махнула рукою по направленію другаго конца станицы:—Туда и ступайте.

— Да намъ, голубушка, не на квартиру; обь квартиру послѣ спросимъ, какъ команда подойдетъ, а вотъ пожайте....

— Пожайте, чтожь, можно.... погодать, ужотко парня вышло. Баба скрылась въ двери.

Черезъ минуту изъ тѣхъ же дверей юркнулъ парнишка лѣтъ

десяти, въ тулупѣ, дохлѣдѣвшемъ ему до пятъ, и въ огромномъ синемъ картузѣ, съ краснымъ околышемъ и козырькомъ, очевидно забрѣвшимъ сюда съ береговъ тихаго Дона.

Я слѣвъ съ лошади и, передавъ ее мальчику, отправился въ избу.

Изба оказалась внутри лучше, чѣмъ можно было рассчитывать, судя по ея внѣшности. Хотя тѣсная, она была однакожъ довольно опрятна; въ углу видѣлся порядочный запасъ иконъ, въ такъ-называемой божницѣ. Отсутствие мѣдныхъ складней съ осьмиконечными крестами и лѣствицы (*) указывало, что хозяинъ церковный, а не часовенный.

— Идалече ѣдете? спросила меня хозяйка, когда я усялся на лавкѣ.

Я объяснилъ ей вкратцѣ откуда мы идомъ, и съ какою цѣлью были въ горахъ.

— Нешто, энта, еще мало народу здѣсь переморили? Ахъ, батюшка! вотъ-то горе! И она жалобно качала головою, подпертою ладонью. — Да вѣдь и тутъ-то земли совсѣмъ нѣту-ти, какъ есть ничего; кормиться нечѣмъ.... а тутъ еще оодатъ напихають.... охо-хо!...

— Небойсь, хозяйюшка: на вашей землѣ селить не будемъ, отвѣтилъ я:—въ горахъ поставимъ, чтобы хакучамъ сюда ходу не было.

— Ой-ли! Ай, правда? Станичниками сказывали, отселева прочь выселять въ скорости?

— Ну, этого навѣрно сказать не берусь; только знаю, что осматривать горныя станицы будутъ, и которыя вовсе на нехоршее, либо на нездоровое мѣсто угодили, можетъ быть и переставятъ (**).

— Эхъ, пошли-то Господи!...

Въ это время въ избу вошелъ хозяинъ, человекъ лѣтъ подь сорокъ, въ чепменѣ, съ большою русою бородею и со смышленными сѣрыми глазами.

— Здравствуйте, ваше благородіе! привѣтствовалъ онъ меня съ поклономъ.—Милости просимъ.... Откелева пожаловали?

Я удовлетворилъ его любопытство.

— Такъ энто ваша же партія съ горъ спущается, вонъ теперъ ужъ недалеко за околицею?

(*) Особенный родъ чеховъ, употребляемый раскольниками-старовѣрами и вѣшаемый, въ употребленіи, или подъ образами, или по соседству на стѣнѣ.

(**) Той-же весной была составлена комсія подъ предсѣдательствомъ генералъ-маіора Г—а, съ цѣлью опредѣленія причинъ бѣдственнаго положенія станицъ горной полосы Кубанской Области. Комсія эта точно принуждена была выселять нѣкоторыя неудачно поставленныя станицы.

— Наша.

— Такъ-съ.

Хозяинъ умолкъ, обдумывая, повидимому, что-то.

— Не найдется ли у васъ, ховяйка, кувшина молока? Что будетъ стоить, заплачу, обратился я къ казачкѣ.

Она вѣдгнула недовѣрчиво сначала на меня, потомъ на мужа и затѣмъ проворно вышла.

— Что, какъ вамъ живется здѣсь, на новосельѣ, послѣ Дона Ивановича? Вѣдь вы, кажется, тутъ все больше дощцы?

— Донцы, все больше, ваше благородіе. Есть и прозіе; только тѣхъ вовсе малость... Ну, а на счетъ, то есть это, житья... плохо, и вовсе плохо-съ. Да и какая тутъ, можно сказать, жизнь супротивъ Дона?... Гдѣ же-съ?... Кажется, если бы моя власть, сю-жь минуто все бросилъ, пѣшкомъ на Донъ бы ушелъ.

— Что жъ такъ?

— Да вѣдь вы, подагаю, это видѣли, какъ ѣхали, какая земля-то? какія угодыя?

— Видѣлъ, да развѣ нѣтъ гдѣ въ сторонѣ лучшихъ?

— Есть точно что маленько помучше, только далеко. Сѣнокосы у кого за девять, у кого за десять верстъ и дальше; да и то тащи на въюкахъ, а на въюкахъ много ли утащишь... Вотъ и скотинки, значить, держать не могли, а уже безъ скотинки какое ховяйство? Опять земля? Какая это земля? Глина одна только. Нешто на Дому такія земли?...

— Но жили же тутъ горцы и хорошо хозяйничали. Вотъ мы на каждомъ шагу аулы погорѣлые встрѣчали...

— Это точно-съ, ваше благородіе. Только у нихъ и скотина-то привычная была, медная, да и сядились они по горамъ не станицей, а какъ гдѣ сподручнѣе, а насъ привели да и поставили: па вотъ—живи и хозяйничай! И скотина наша, и мы къ этому мѣсту и хозяйству непривычны. И всѣ мы переболѣли, половина что, почитай, вымерла, скотица наша повьдохла, а кое-то и уцѣлѣла, ту хаучи въ прошломъ году всю отогнали. Вотъ тутъ теперъ сиди и хозяйничай! Только и осталось, что свиньи; тѣхъ хоть, спасибо, не воруютъ азіаты. Въ цѣлой станицѣ только вѣдь двѣ коровы и остались: у меня, да у станичнаго писаря.

— Чѣмъ же вы запашку дѣлать будете, когда у васъ рабочаго скота нѣтъ?

— А Богъ ее знаетъ чѣмъ! Надо быть и вовсе пахать не будетъ. Слава Богу еще, царь провіантъ отпускаетъ, значить съ го-

лоду не пропадемъ. А земля здѣсь такая на низахъ, что хоть и не паша. Азіаты—то вотъ все по горамъ пашни держали, ну, и говорить, хорошо родило, а мы тутъ и пробовали на низахъ—все едино хоть брось!...

— И вы бы по горамъ пахали.

— Оно бы точно и ничего; почему и не испробовать? Да только теперь чѣмъ ее испробуешь, коли съ цѣлой станицы плуга не соберешь?

Въ избу вошла хозяйка съ кувшиномъ молока и короваемъ ржаного хлѣба.

— А вотъ и солдаты, никакъ, выши, подходятъ, сказала она, ставя принесенное на столъ:—уже близко.

Сельская трапеза моя была кончена и въ то же время послышался топотъ лошадей. Я расплатился съ хозяйкой и вышелъ къ подѣхавшему Ф*.

— Что же, батюшка, заговорилъ онъ:—здѣсь, что ли, станемъ?

— Наврядъ, травы кругомъ почти нѣтъ. Кажется лучше будетъ спуститься ниже. Хозяинъ! обратился я къ вышедшему за мною казакъ:—нѣтъ ли у васъ здѣсь по близости лужка, который бы и потоптать не жалко было, да и лошади бы покормились.

— Гдѣ его взять, ваше благородіе, отвѣчалъ казакъ.—Тутъ у насъ вотъ коровъ нашей ущипнуть нечего; сами о-сю пору сѣномъ кормимъ, что съ зimy осталось, да и то издавеча на выюгахъ таскаемъ, а коней и вовсе дубовыми прутьями. Дальше, вонъ, къ Оренбургской, такъ тамъ малость лучше; только опять—така и тамъ плохо.

До Оренбургской было около двѣнадцати верстъ, и пройти это равстояніе, послѣ сдѣланнаго нами большаго перехода, было бы слишкомъ накладно. Мы положили пройти Перевальную и стать bivуакомъ на первомъ удобномъ клочкѣ земли. Такъ и сдѣлали. Выѣхавъ за станцу, я послалъ Нахимова, Гуашева и Натырбова въ равнины стороны, отыскать мѣстечко съ травой, водой и дровами. Гуашевъ вернулся первый и показалъ намъ, верстахъ въ двухъ, на правомъ берегу Пшима, полянку, покрытую рѣденькой, невысокою травой, обросшую мелкимъ дубякомъ и ольшаникомъ. На ней мы и стали.

Во все время нашего похода мы не встрѣчали долины столь бѣдной растительностію, столь мало пригодной для заселенія и между тѣмъ такъ густо усаженной станицами. На пространствѣ десяти верстъ стояла три станицы: Перевальная, Гойтская и Оренбургская. Едва

мы вышли, такъ сказать, за околицу Паревальной, какъ начинался выгоръ гойтхскій, столь же бѣдный и выболѣлый, какъ и первая, и только немногимъ хуже Оренбургской, тоже очень плохой.

Что ущелье Пшиша было слишкомъ тѣсно для такого числа жителей, какое тамъ было водворено, это было ясно съ перваго взгляда, и едва ли эта ошибка могла быть объяснена военными соображеніями. Для обороны подгорныхъ станицъ этой части края, достаточно было бы поставить одну многочисленную станицу съ хорошамиъ выборомъ населенія въ окрестностяхъ Гойтхской, поставивъ въ то же время другую на среднемъ теченіи Цеце, а третью въ Тубѣ. Тогда всѣ ходы и выходы излучистаго горнаго лабиринта, составляющаго площадь истоковъ Пшиша, Пшехи и Цеце, могли бы быть легко наблюдаемы, и жители не были бы скучены въ негостепримной и едва ли не самой нездоровой во всей Кубанской Области долинѣ рѣки Пшиша, какъ это было теперь—же превосходныя; мѣстности, въ родѣ котловины Тубы и береговъ Цеце, остались незаселенными и свободными для прохода хищническихъ партій.

Ошибочность существовавшаго тогда расположенія станицъ этой части Области обнаружилась очень скоро грабежами хищниковъ въ тылу передовыхъ станицъ долины Пшиша. Такъ, прибывъ, на четвертый день послѣ выступленія съ рѣки Цеце, въ станицу Кушницкую, мы узнали, что скотъ ея, и въ томъ числѣ 27 строевыхъ лошадей, былъ отбитъ нѣсколькими ханчучами и угнанъ въ горы, какъ разъ въ тотъ день, какъ мы тронулись изъ Тубинской долины къ Пшишу. Сакма, замѣченная Гуашевымъ, принадлежала именно этимъ конямъ. Хищники, въ этомъ случаѣ, не обратили никакого вниманія на близость и густоту станицъ припшищскихъ, линія которыхъ перпендикулярна направлению тропинки, идущей отъ хребта Шесси прямо къ Кушницкой. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы станица Тубинская не была въ то время уже покинута жителями, и они исправно несли бы сторожевую службу, какъ несли ее въ старыя годы молодцеватыя линейцы, то ничтожная шайка байгушей (*) и не подумала бы покуситься на такую деревнюштуку (**).

(*) Нищихъ, оборваншѣй.

(**) Дванадцать станицъ горной полосы Кубанской Области, и въ томъ числѣ всѣ помѣ станицъ верхней долины Пшиша до Елисаветпольской включительно, были упразднены въ 1867 году; станица же Тубинская упразднена еще въ 1865 году, по причинѣ будто бы нездоровой мѣстности и простиравшейся оттого огромной болѣзненности и смертности. На самомъ дѣлѣ, болѣзненность вызвана была совѣсными причинами: во 1-хъ, плохимъ составомъ населенія ея, болѣею частью глупцевъ и прайдюнающихся, а во 2-хъ удаленіемъ провинскаго магазина,

Военная колонизация западнаго Кавказа получила особенно сильное развитіе и примѣненіе по окончательномъ покореніи лѣваго фланга, завершившемся плѣномъ Шамиля. Успѣхъ этотъ развязалъ руки кавказской арміи и далъ возможность увеличить число и силу отдѣльных отрядовъ, дѣйствовавшихъ противъ горскихъ обществъ и племенъ западнаго Кавказа, имѣвшихъ, впрочемъ, очень мало общихъ интересовъ съ Шамилемъ и его казаватомъ (*). По мысли, завѣщанной еще покойнымъ генераломъ Вельяминовымъ, блистательно осуществленной генералъ-фельдмаршаломъ княземъ Барятинскимъ и графомъ Н. И. Евдокимовымъ, способъ завоеванія западнаго Кавказа состоялъ въ постепенномъ занятіи отрядами рѣчныхъ долинъ и въ немедленномъ водвореніи въ нихъ вооруженнаго населенія. Привыкшіе примѣнять выборъ мѣстъ подъ казачьи станицы только къ требованіямъ войны, наши отрядные начальники, вслѣдъ за выселеніемъ остатковъ горцевъ въ Турцію, не сумѣли колонизовать оставленный край, примѣняясь къ условіямъ чисто-экономическимъ: къ тому же и напряженное ожиданіе войны съ западными, въ виду польскихъ волненій, мятежа 1863—1864 годовъ, и дипломатическаго похода государствами противъ Россіи, вынудили кавказское начальство обезпечить за собою *de facto* обладаніе западнымъ Кавказомъ, бросявъ туда сколько нибудь вооруженнаго населенія, заинтересованнаго въ защитѣ его, какъ въ защитѣ собственнаго очага. Въ такое горячее время, конечно, некогда было заниматься подробнымъ изслѣдованіемъ санитарныхъ условій края, его флоры и фауны. Если въ чемъ, пожалуй, можно упрекнуть мѣстную администрацію того времени, то, развѣ, въ чрезвычайно неудачной примѣси къ казачьему элементу, и безъ того давнымъ давно утратившему свои колонизаторскія способности, охотниковъ изъ николаевскихъ, херсонскихъ и одесскихъ мѣщанъ, *людей*,

при несуществовавшихъ путяхъ сообщенія. Въ дождливое время, для того чтобы привести вьюкъ муки изъ Прусской станицы, приходилось употребить три или четыре дня; мука дорогой подмокала отъ сырости и портилась, и жители ѣли нездоровый гнилой хлѣбъ. Лошади, отъ трудностей дороги и отъ постояннаго похода къ магазину и назадъ, а отчасти и отъ недостатка кормовъ и непривычки къ горнымъ травамъ, подвергались падежамъ, и тогда жители должны были за провіантомъ ходить сами, съ мѣшкомъ на спинѣ, и, вѣчно голодные, промокшіе и изнуренные, дѣлались легкой добычею лихорадки и тифа, хотя мѣстность станицы Тубинской можетъ быть названа скорѣе удобною и здоровою, чѣмъ многія другія, гдѣ жители не жалуется на свою судьбу. Въ военно-полицейскомъ же отношеніи, водвореніе станицы въ Тубинской котловинѣ было въ то время существовающею необходимостью, какъ то и доказали, по упраздненіи ея, постольные грабежи въ нашихъ предгорныхъ станицахъ.

(*) Война съ невѣрными.

наобеспеченныиъ въ средствахъ къ существованію (*). Это значило, вливать вино старое въ мѣхи новые, и результатъ не замедлялъ обнаружиться. При всѣхъ заботахъ правительства и при огромныхъ издержкахъ и льготахъ, станицы, гдѣ этотъ безталанный народъ составлялъ значительную цифру, оказались самыми плохими по хозяйству и, обогативъ быстро отирывшіеся по станицамъ въ большомъ числѣ избави, сами нищавствовали, мерли какъ мухи (**), и вынудили начальство на упраздненіе многихъ станицъ, которыя, попадись туда населеніе трезвое и трудолюбивое, могли бы процвѣтать. Но и на подобный уврекъ нельзя не повторить давно всѣмъ извѣстной истины, что только тотъ никогда не ошибается, кто ничего не дѣлаетъ.

На другой день мы отправили команду къ станицѣ Оренбургской, а сами поѣхали осматривать гойтхскій перевалъ, чтобы выбрать на немъ, или по близости, мѣсто для роты. На этотъ пунктъ, какъ я уже описалъ, мнѣ было приказано обратить особенное вниманіе и обезпечить его близостью военного поселка.

Погода стояла отличная, и мы скоро, обогнавъ команду, прибыли въ станицу Гойтхскую, откуда до Гойтхскаго укрѣпленія оставалось не болѣе шести или семи верстъ.

Станица Гойтхская оказалась токою же малолюдною и бѣдною, какъ и Перевальная: ни ребятшиекъ передъ избами, ни слѣдовъ достатка и домовитости. Изрѣдка встрѣчавшіеся фizioноміа обывателей, съ отеппими щеками, желтымъ цвѣтомъ лица и безжизненнымъ выраженіемъ въ глазахъ, краснорѣчивѣе всего говорили о бѣдственномъ ихъ состояніи. Окрестности Гойтхской смотрѣли также непривѣтливо: голаи горы сыпучихъ шиферныхъ породъ, поросшія корявымъ дубнякомъ, да проклятыя лужайки съ рѣдкою и короткою блѣдно-зеленою травою—вотъ и все. Кругомъ ни борозды плуга, ни слѣда какого бы то ни было хозяйства. Я не считалъ нужнымъ останавливаться въ станицѣ и спрашивать жителей объ успѣхахъ или о неудачѣ ихъ хозяйства: состояніе его было, очевидно, какъ и полная невозможность выбрать, по собѣдству съ немъ, мѣсто для роты. Мы проѣхали безостановочно до Гойтхскаго укрѣпленія, лежавшаго версты четыре дальше. Было часовъ одиннадцать дня, когда мы приближались къ какой-то казармѣ, выстроенной изъ турлука (***) , обнесенной ва-

(*) Особенно въ прибрежной полосѣ западнаго Кавказа, или на южномъ склонѣ.

(**) Средній процентъ смертности въ двѣнадцати переселенныхъ впоследствии станицахъ былъ, въ теченіе двухъ лѣтъ 30%, въ четырехъ изъ нихъ болѣе 33%, а въ одной 53, 25%.

(***) Турлучнымъ строеиємъ въ Кубанской Области называютъ строеиіа плет-

ломъ, на половину осматривались. Здѣсь лежало много вещей, отбывавшая команда на посты туапсинской кордонной линіи. Внутри укрѣпленія, рядомъ съ казармой, торчала женатичья вышка. Мы вошли въ казарму, чтобы спросить объ окрестныхъ угодьяхъ. При входѣ насъ встрѣтилъ урядникъ—линеецъ и проворно отпартовалъ, доложивъ тутъ же, что сотенный болякъ, лежитъ и невинается.

— Что же у него.... тово.... такое, спросилъ заботливо Г—ій, не лихорадка-ли?

— Такъ точно—съ, лихорадка; другую недѣлю лежитъ—съ.

— Надобно.... тово.... навѣстить, пробормоталъ Егоръ Петровичъ; я, тово, пойду....

— А команда тоже болѣетъ? спросилъ я.

— Болѣетъ, и.... и!... страсть какъ болѣетъ! Теперь насъ всего семнадцать человекъ на ногахъ осталось. Другіе какъ свалились, такъ и лежать, не поднимаются; не знаю, живы-ли будутъ?...

Я вошелъ вслѣдъ за докторомъ въ помѣщеніе сотеннаго. Оно находилось въ той же казармѣ, только имѣло особый ходъ. Мы нашли больного только—что очнувшимся отъ сильнѣйшаго пароксизма. Онъ сдѣлалъ видимое усиліе приподняться съ постели, но докторъ удержалъ его. Мы объяснили ему цѣль нашего путешествія, прибавивъ, что только надежда быть ему полезнымъ побудила доктора обезпокоить его.

Онъ съ благодарностью помазалъ ему руку.

— Что, какъ вамъ теперь.... тово?... бормоталъ Егоръ Петровичъ, поймавъ больного за пульсъ и съ участіемъ всматриваясь въ его измученное лицо.... тово.... чѣмъ вы лечитесь?

— Чай пью... хину принималъ прежде.... теперь вся вышла. Писалъ вчера въ Вельяминовскую (Туапсе).... новой еще не привезли.... нѣтъ. Да что!... и хина уже не беретъ....

Егоръ Петровичъ похѣвъ въ карманъ и вынулъ оттуда запасъ хины....

— Вотъ, тово, и хина вамъ.... примите; теперь, тово, пароксизмъ прошелъ, подѣйствуетъ... И онъ взялъ со стола стаканъ недоеденнаго чая, а другою рукою подалъ больному развернутый порохомъ. Больной съ жадностью проглотилъ лекарство.

— А, вотъ, тово, ласковымъ, дребезжающимъ голосомъ затараторилъ снова Г—скій, вотъ вамъ и запасецъ: еще дюжина, тово, поневы, обманываемыя глиною; иногда плетень ведутъ двойной и промежутки набиваютъ землей и глиною. Строенія подобныя очень сыры, и потому неаодорны.

ромцовъ.... Принимайте передъ тѣмъ, какъ у васъ лихорадка начнется, тово....

И въ его голосѣ, въ его пронзительныхъ сѣрыхъ глазахъ засвѣтлось столько теплой старческой доброты, что я невольно почувствовалъ все величiе этого маленькаго человѣчка, устарѣлаго, быть можетъ, для науки, нѣсколько смѣшнаго своими странностями, но вѣчно юнаго теплотою душевною и сочувствiемъ, и, конечно, ненуждавшагося ни въ чьихъ поученiяхъ о любви къ солдату и вниманiи къ его нуждамъ.

Принявъ порошокъ, сотенный начальникъ немножко ожилъ и общилъ мнѣ, между прочимъ, что кругомъ, до самой станицы Елисаветпольской, тоже очень бѣдной, за недостаткомъ угодiй, нѣтъ никакой возможности водворить не только роту, но и взводъ; что за Елисаветпольской, версты двѣ вылезъ по Пшишу, есть небольшая поляна, подверженная разливу Пшиша и его лѣваго притока Пшиж-иси, между которыми она лежитъ, но что ея только и хватить, чтобы поставить строенiя для людей; мѣстъ же для выгоновъ, огородовъ, пахателей, а также лѣсу и луговъ нѣтъ и признаковъ на далекое расстояние кругомъ, и что вдобавокъ во всѣхъ сосѣднихъ станицахъ свирѣпствуетъ постоянная климатическая лихорадка, уже уменьшившая населенiе ихъ почти на половину.

Мы попросили сотеннаго дать намъ казака, который бы могъ провести насъ на Пшиж-иси и простались съ нимъ. Ф* и Н—ва мы нашли сидящими на буркѣ, подъ деревомъ.

— Должно бы вы замѣшкались, я быле уже думалъ не забѣлѣли вы и сами лихорадкою; вѣдь она, говорятъ, прилипчива, сказалъ Ф* подымаясь.

— Пока еще нѣтъ; я расширявалъ сотеннаго вмѣстѣ съ докторомъ о санитарныхъ условiяхъ мѣстности, чтобы не поставить вашихъ солдатъ на такомъ же здоровомъ мѣстѣ, какъ и это; да, кажется, тутъ всѣ мѣста хороши, и лихорадка вездѣ гнѣздится....

— Что же мы будемъ дѣлать? неужели поставимъ на нездоровомъ мѣстѣ? Вѣдь это бѣда!... Прислушайте! Знаете что?... Какъ же въ самомъ дѣлѣ?... заволновался Ф*. Неужели начальство непременно хочетъ людей здѣсь поселить на явную гибель? Что же это въ самомъ дѣлѣ! Надобно же помнить, что солдатъ тоже человѣкъ.... Какъ же вы думаете?...

Н—въ кусалъ губы. Докторъ о чемъ-то задумался,

— Успокойтесь, Афанасiй Афанасьевичъ: не найдемъ хорошаго

мѣста, такъ и составили формальный актъ, что мѣста молъ подходящаго не нашли, а людей вашихъ умирать здѣсь не оставимъ.

— Ахъ, благодарю васъ, благодарю! очень большое спасибо и за меня, и за нашихъ меньшихъ братьевъ—бѣдныхъ солдатиковъ! Что же, куда теперь?

— Поѣдемъ версты за четыре или пять отсюда, осмотримъ поляну воевъ Елисаветпольской станицы. Она тоже, говорятъ, неудобна; но осмотрѣть ее нужно, чтобы нельзя было насъ заподозрѣть въ оцѣнкѣ мѣстностей на основаніи однихъ только слуховъ. Идемте: вотъ и казакъ, котораго мы выпросили въ проводники, уже готовъ.

Мы сѣли на лошадей и отправились на рысяхъ за проводникомъ.

Полчаба спустя, миновавъ станицу Елисаветпольскую, ничуть не лучшую своихъ верхнихъ по рѣкѣ сосѣдокъ, мы въѣли немного вѣтрово, и, проѣхавъ еще съ версту узкою пропьянкою, взобрались на небольшой сыпучій бугоръ, покрытый дубнякомъ. Передъ нами открылась небольшая долина, при слияніи двухъ ручьевъ, впадающихъ въ Пшишь.

— Вонъ это самое поляна и есть, обратился ко мнѣ казакъ. Только и тамъ пропадать будете, ежели какъ поселитесь; все одно что и у насъ на Гойтахъ: одно слово—сама лихорадка...

— Ты почему же это знаешь, братецъ? спросилъ я.

— Намъ какъ же этого не знать! коней туда гоняемъ. Какъ тебя, значить, сумерки тамъ застали, росой, либо дождемъ прохватило, на той полянѣ, такъ, значить, и лихорадка!.... Вхать туда прикажете?....

Ф* выразилъ желанье остаться на холмѣ и подождать результата осмотра пресѣдутой поляны, куда я поѣхалъ съ докторомъ и Н—вымъ, отпустивъ казака домой. При Ф* остались оба мои проводники.

Осмотръ поляны убѣдилъ насъ въ полной невозможности поселить тамъ кого бы то ни было. Это былъ клочекъ земли, затопляемый каждымъ полноводьемъ сосѣднихъ рѣкъ, и потому, несмотря на очевидную скудость почвы, постоянно зеленый. Обиліе папоротника и лопуха, явные признаки постоянной сырости и лихорадочности мѣста, заставили насъ скончательно отказаться отъ мысли ставить роту вблизи Гойтха. Мы скоро возвратились къ Ф* и направились въ Оренбургскую, близъ которой назначили бивуакъ нашей командѣ.

IV.

Возвращеніе въ Хамышки.—Ночлегъ въ лѣсу.—Поездка въ Екаторинскій.—
Возвращеніе.—Лизавета Гавриловна и исторія съ бумагою.—Движеніе на Аже-
нахо.—Переправа черезъ рѣку Кашу (Черсъ).—Отъездъ Ф*.

Солнце сильно припекало, когда мы проѣзжали станицу Оренбургскую. Намъ захотѣлось пить и мы попробовали спросить у жителей молока, но его въ цѣлой станицѣ не нашлось ни стакана. «Тутъ не токма-што молока, а и хлѣба не добудете», отвѣчали намъ, а одна, дряблан съ виду, но козыристая на словахъ старуха дала намъ практическій совѣтъ подоить воробья, потому-моль, что у нихъ-де въ станицѣ, въ экомъ сладкомъ мѣстѣ, ни одной коровенки не нѣбѣтся.

Совѣтъ старухи крѣпко разсмѣшилъ насъ съ Н—мъ, но Ф* окрысился на нее и даже погрозилъ нагайкой.

— Ладно, пузатыи!... небось сала-то спустиль-бы, кабы тебя на годокъ къ намъ, въ Лембургскую-то! отбрюхнулаеь старуха, причась въ двери своей хаты.

Отыскавъ затѣмъ какаго-то назначенна, указавшаго намъ дорогу, по которой прошла команда наша, мы прибавили рыси и черезъ часъ или полтора, миновавъ станицу Гунайскую, нашли команду занатомъ разбивкою лагеря верстахъ въ двухъ или трехъ за этою послѣднею станицею.

Въ ожиданіи обѣда, мы укрылись отъ солнца: я въ палатку Н—ва, Ф* подъ дерево. Только одинъ Г—иѣ пошелъ по обыкновенію искать травовъ и цвѣточковъ. Вечеръ прошелъ въ обычныхъ разсказахъ и распросахъ проводниковъ.

На другой день мы выступили до разсвѣта, чтобы успѣть сдѣлать два перехода: одинъ, утромъ, до Самурской, другой, послѣ обѣда, на Мезмай, отсюда до Хамышковь, по прямому пути, оставался только одинъ небольшой переходъ.

Дорога отъ Гунайской (на рѣкѣ Сеже) до Кушинской, оказалась довольно хорошею. Мы двигались по ней почти безостановочно, и только переваль изъ рѣки Сеже въ рѣку Куши былъ размытъ дождями и потребовалъ небольшихъ исправленій.

Долины Сеже и Куши несравненно лучше и пріятнѣе долины Пшиша и его верховыхъ притоковъ. Растительность здѣсь сильнѣе; встрѣчаются обработанныя поля и посѣвы. Тамъ не менѣе и жители Кушинской жаловались на свое горькое житье, на надежи скота, неурожай и грабежи горцевъ.

— Дня три тому назадъ, говорилъ намъ старшій казакъ, три кауча угнали весь нашъ табунъ строевыхъ лошадей. Пастухи, видите, заснули, а они, прожартые, и выскочили изъ кустовъ. Да добро-бы ночью, а то чуть не въ обѣдъ; срамъ, одно слово!

— Что же не отбили назадъ? развѣ не было погони?

— Гдѣ тутъ отбить или нагнать! Дали знать въ Самурскую; отседова послали команду, ничего не нашли. Только и видѣли саму, что отъ коней осталась—пошла въ Тубу. Теперь шабашъ, добавилъ онъ, выразительно разведя руками: ни служить, ни хлѣбъ работать!....

Пожалѣвъ о его горькой долѣ и о небрежности пастуховъ, навлекшихъ такую бѣду, мы отправились дальше. Не доходя станицы Самурской, мы сдѣлали двухчасовой привалъ и, часамъ къ пяти вечера, переправились черезъ Куржинскъ, нѣсколько выше Нижегородской. Здѣсь отдѣлялась вправо старая наша дорога на Мезмай. Кромѣ ея Н—въ и Гуашевъ знали еще другую дорогу къ Мезмаю, гораздо короче, и увѣрили, что ею можно къ ночи прибыть къ старому нашему бивуаку. Мнѣ хотѣлось быть на другой день пораньше въ Хамышкахъ, чтобы привести въ порядокъ матеріалы для отчета, по сдѣланной воловинѣ командировки, и я просилъ Ф* пройти къ Мезмаю; но тотъ отговаривался сильною усталостью и ни за что не согласился, какъ ни старался я представить ему всѣ прелести мезмайской форели и радость скорого свиданія съ семьей. Онъ рѣшилъ заночевать у Нижегородской.

— Побѣжайте съ Н—вымъ, если хотите, говорилъ онъ, а я останусь здѣсь до завтра. Только знаю, что вы не понадете туда къ ночи.

— А ты какъ думаешь, обратился я къ Н—ву, доберемся?

— Конечно; только надобно ѣхать немедленно.

Мы направились къ Мезмаю. Пока я толковалъ съ Ф*, Гуашевъ исчезъ. Оказалось, что онъ поѣхалъ навстрѣчу моему выѣзду, въ полной увѣренности, что мы ночуемъ близъ Куржинска. Мы хватились его только полчаса спустя, что и заставило меня послать за нимъ Натырбова и ѣхать очень тихо. Ночи въ ту пору были безлунныя, и меня брало искушеніе вернуться назадъ; но, спросивъ Н—ва: увѣренъ-ли онъ, что не собьется ночью съ дороги, я получилъ опять утвердительный отвѣтъ и остался при прежнемъ намереніи. Въ сумерки, вдуши густымъ чинаровымъ лѣсомъ, мы услышали за собою частый конскій топотъ. Это былъ Натырбовъ. Онъ привезъ извѣстіе, что нашелъ и Гуашева, и Пахомова и пере-

далъ мнѣ мое приказаніе, но что они не могутъ насъ догнать скоро, потому что, рассчитывая на ночлегъ, разобрали вьюкъ, который опять должны навьючить, и что Гуашевъ взялся непременно провести вьюкъ и самъ явиться на Мезмай, хотя бы ночью. Мы прибавили ашфу, на сколько позволяла ширина лѣсной дорожки, и къ вечеру выѣхали на широкую, зеленую прогалину съ легкимъ склономъ къ подошвѣ возвышенности Гуама, отдѣляющей Мезмай отъ другаго притока Буржипса—рѣки Ховодъ. Вечера въ горахъ всегда коротки; не успѣли мы спуститься къ подошвѣ горъ, какъ стало совсѣмъ темно. Чтобъ оставить за собою какой-нибудь слѣдъ, по которому бы ѣдущіе сзади могли ориентироваться, я послалъ Натырбова разложить большой огонь при выѣздѣ изъ лѣса, а самъ съ Н—мъ принялся за раскладку такого же внизу. Предосторожность эта была совсѣмъ не лишнею, такъ какъ отсюда вели нѣсколько дорогъ въ разныя стороны. Между тѣмъ темнота сдѣлалась непроглядная, и мы, чтобы не очутиться гдѣ-нибудь въ труппѣ, пошли нѣшкомъ, ведя лошадей въ поводу: Соображая разстояніе со скоростью нашей ѣзды, до мостовъ оставалось не болѣе двухъ, трехъ верстъ; но мы не сразу могли ихъ найти и проблуждали болѣе часу, отыскивая къ нимъ спускъ. Наконецъ, благодаря замѣчательному знанію Н—вымъ мѣстности и его зоркимъ глазамъ, мы ихъ нашли и перебрались на лѣвый берегъ Мезмая. Становилось свѣжо. Мы разложили огонекъ и, завернувшись въ бурки и стреноживъ лошадей, прилегли вокругъ него, въ ожиданіи вьюка.

Мнѣ никогда, до той поры, не приходилось проводить ночи въ такой оригинальной декоративной обстановкѣ, и—принаюсь—несмотря на сожалѣніе о вьюкѣ, заключавшемъ въ пѣдрахъ своихъ драгоценную способность напоить насъ чаемъ, не смотря на свѣжестъ ночи, заставлявшую насъ поворачиваться къ огню то однимъ бокомъ то другимъ, въ темныхъ очеркахъ высокихъ горъ, въ непроглядномъ мракѣ долины, въ шестѣ вѣкового лѣса и въ бѣжномъ журчаніи горной рѣки было такъ много глубокой гармоніи, столько свѣжести и величія, что я невольно замечтался, любясь на испривѣшившіяся въ потемнѣвшемъ небѣ яркія звѣзды.

Что наши страстишки и что наши интересы, что, наконецъ, работа нашей мысли и воли передъ работою природы, ея трудомъ и побѣдой? думалось мнѣ. Стоитъ-ли создавать себѣ условное счастье и новой послѣ долгихъ трудовъ, обманутыхъ надеждъ, несбывшихся ожиданій, подчасъ униженія, когда возможенъ и миръ душевный, и безмятежное счастье въ сближеніи съ природою? Къ чему борьба,

когда въ природѣ только красота, гармонія, единство силъ?... Но кто же правъ тогда: Руссо-ли, съ прелестями идиллической жизни, или Дарвинъ, съ непрерывной борьбой за существованіе, вѣчнымъ движеніемъ и прогрессомъ?....

— О чемъ задумался? обратился ко мнѣ Н—въ, слегка ударивъ по плечу.

— Засмотрѣлся на небо, да и замечтался немножко, отвѣчалъ я, очнувшись.

— А знаешь ты звѣзды?

— Кое-какія знаю.

— А скажи, пожалуйста, отчего это млечный путь называется также моисеевой дорогой?

— Ну, этого не берусь объяснить. Это названіе народное. Вѣрно съ нимъ связано какое-нибудь преданіе.

— Говорятъ, есть такая звѣзда, полярная что-ли, по которой всегда съверъ можно найти. Покажи мнѣ ее?

Я повернулся на спину, чтобы отыскать ему созвѣздіе Малой Медвѣдницы.

— Тсъ!.... прошепталъ въ это время Натырбовъ, схвативъ меня за руку и прислушиваясь.

Мы начали прислушиваться, но ничего не слышали.

— О!.... шепнулъ опять черезъ минуту горецъ, указавъ пальцемъ по тому направленію откуда мы прибыли, и въ ту же минуту передавъ Н—ву поводья своей лошади, выхватилъ кинжалъ и бросился въ кусты. Послышались два сильныхъ удара по сучьямъ, и вслѣдъ затѣмъ онъ снова вынырнулъ изъ темноты, держа въ рукахъ двѣ небольшія жерди, которыя онъ въ ту же минуту воткнулъ въ землю передъ огнемъ и растянулъ на нихъ бурку. Я понялъ тогда цѣль этихъ маневровъ: онъ подозрѣвалъ въ томъ направленіи чье-то сообщество и, не зная еще съ кѣмъ придется имѣть дѣло, хотѣлъ уберечь насъ отъ выстрѣла на огонь (*).

Не прошло минуты, какъ явственно послышался на высотѣ крикъ Филина—обыкновенный условный знакъ горцевъ и нашихъ пластуновъ.

(*) Черкесы, во время кавказской войны, тревожили наши войска не только днемъ, но и ночью на бивуакахъ. Проползая сивозъ дѣнь и обходя секретны, одиночные горцы приближались на разстояніе выстрѣла къ огнямъ, около которыхъ ночью всегда толпятся люди, и, оставаясь въ тѣни, стрѣляли тогда очень мѣтко въ ярко-освѣщенныхъ людей. Такимъ образомъ убито много отличныхъ офицеровъ.

Мы продолжали прислушиваться. Натырбовъ проворно выхватилъ винтовку изъ чакла.

Крикъ повторился трижды, нѣсколько ближе. Я былъ увѣренъ, что это наши люди, но Натырбовъ былъ другаго мнѣнія, а недавнее происшествіе въ Кушинской станицѣ положительно доназывало возможность сосѣдства хачучей и принуждало насъ быть осторожными. Минуты три провели мы въ молчаніи; наконецъ это вслушивание мнѣ надоѣло, и я крикнулъ во всю глотку: «Ау! Пахомовъ, Ау!»

— Ау! здѣсь! слышалось уже недалеко.

— Бывай, живѣй!....

— Черезъ рѣчку не потрафимъ, сидутъ!....

Я послалъ Натырбова къ нимъ навстрѣчу, и черезъ четверть часа люди и вьюкъ были уже около насъ; чайникъ привѣтливо шумѣлъ на огонькѣ. Совиный крикъ былъ дѣломъ моего линейца, бывавшаго неравъ въ пластунахъ и доведшаго это искусство до замѣчательнаго совершенства. Но еще замѣчательнѣе было искусство, съ какинъ Гуашевъ провелъ его, въ непроглядную ночь, черезъ густой темный лѣсъ, по тропинкѣ, съ которой легко было сбиться и днемъ неопытному человѣку, и вывелъ его какъ-равъ къ разложенному Натырбовымъ еще дымившемуся кастру. Отсюда они подали голосъ, и чутвое ухо Натырбова заслышало его недалеко.

Проведя на Мезмай ночь, хоть и не сохотѣвъ комфортабельно, но покойно, мы на другой день, съ разсвѣтомъ, отправились по той же аробной дорогѣ, по которой въ первый разъ пришли на Мезмай, и, оставя вправо джукскій переваль, къ часамъ девяти утра спустились въ Хамышейскую долину. Черезъ часъ мы уже сидѣли у Н—ва, окруженные офицерами баталіона, и должны были отвѣчать на сыпавшіеся со всѣхъ сторонъ вопросы о выбранныхъ или осмотрѣнныхъ мѣстахъ, о удобствѣ ихъ, и проч. и проч.

Пообѣдавъ и отдохнувъ немного, я принялся приводить въ порядокъ свои чертежи и записки, какъ прибылъ вѣстовой съ извѣстіемъ о приходѣ команды и съ приглашеніемъ отъ Афанасія Афанасьевича на обѣдъ.

Поручивъ Н—ву извиниться за меня, отговорившись необходимостью занятій, я просилъ позволенія придти вечеромъ, чтобы обшннѣ соглашеніемъ опредѣлить окончательно мѣста, признанныя нами удобными для поселеній.

Часамъ къ шести я кончилъ занятія и пошелъ къ Ф*. Омъ сидѣлъ на крыльцѣ съ Давидой Гавриловной.

— Здравствуйте, Иванъ Ивановичъ, встрѣтила меня полковница. Ну, замучили-же вы моего мужа! Посмотрите какъ похудѣлъ? Тагъ усталъ, бѣдняжка, что вѣтъ сегодня ничего не могъ. Я, воть, не пушу его больше съ вами, а те вы его вашими походами совсѣмъ уходите.

Отдавъ должную похвалу заботливости Лизаветы Гавриловны о драгоцѣнномъ здоровьѣ мужа, я позволилъ себѣ замѣтить только, что, несмотря на полнѣйшее мое сочувствіе ея настрѣнію, я не могу поручиться, чтобы супругу ея не довелось сдѣлать еще со мною похода на востокъ отъ рѣки Бѣлой, такъ какъ предписаніе гласило о совмѣстномъ со мною осмотрѣ обоими баталіонными командирами всего пространства между рѣками Пшинемъ и Урупомъ. Сверхъ того, невозможность поставить въ ущельѣ Пшипа посемокъ, при непрѣмномъ условіи расселенія баталіона поротно, ставило насъ въ необходимость отыскать еще одинъ пунктъ для роты, по ту сторону рѣки Бѣлой. Помимо всѣхъ этихъ условій, сдѣланный нами выборъ могъ не встрѣтить одобренія начальства, и тогда навѣрное пришлось бы сдѣлать поискъ въ горы. Все это я изложилъ Лизаветѣ Гавриловнѣ очень кратко.

— Нѣтъ, что вы это рассказываете? отвѣчала она, переходя быстро изъ piano въ forte. Вы думаете, я не знаю чьи это затѣи? Все ваши-же, штабныя. Я знаю тамъ одного человѣка, который сердитъ на мужа, и радъ найти случай ему отомстить. Это все его штуки! О! я знаю откуда этотъ вѣтеръ дуетъ!....

Ф* все время помячивалъ, хотя кислое выраженіе его фізіономіи и свобода, предоставленная имъ женѣ раскопать меня за чьи-то воображаемыя продѣлки, служили, такъ сказать, пассивнымъ одобреніемъ энергической дамѣ.

Напрасно старался я разувѣрить разгнѣванную барыню, что предположеніе мое только возможно, но не неизбѣжно и что самый лютой и пронзительный врагъ не могъ бы, при всемъ своемъ коварствѣ, предвидѣть необходимость путешествія ея супруга по правому берегу рѣки Бѣлой, такъ какъ это было только дѣломъ случайнымъ—слѣдствіемъ невозможности селить людей на нездоровомъ и бесплодномъ гойтскомъ перевалѣ. Все было тщетно: Лизавета Гавриловна окончателъно рассердилась, сдѣлала мнѣ настоящее внушеніе, съ намекомъ на тунеядство штабныхъ чиновниковъ вообще и на злонастрѣнныхъ чиновниковъ для порученій въ особенности. Подали самоваръ. Въ пылу спора и доказательствъ, Лизавета Гавриловна наполнила мой стаканъ до половины сахаромъ, а мужу въ ставашъ

тако се сливками бросила кусочекъ лимона. Промшествоіе это насъ разсмѣшило и заставило мою обвинительницу войти въ свои берега. Но разговоръ о дальѣйшемъ странствованіи со мною Афанасія Афанасьевича пришлось, по необходимости, отложить на завтра. Вечеръ я провелъ, слушая разсужденія Ф* о трудности военной службы въ линейномъ N* баталіонѣ, причѣмъ, страха—ради Лизаветы Гавриловны, держался исключительно поддакиваній и одобреній.

Поутру я снова зашелъ къ Афанасію Афанасьевичу и застаю его, къ удивленію своему, еще въ худшемъ расположеніи духа, чѣмъ наканунѣ. Вчера въ лицѣ его видны были только признаки утомленія; сегодня онъ былъ свѣжъ, но грозенъ и положительно несговорчивъ. Мнѣ нужно было узнать, пойдетъ—ли онъ со мною за рѣку Бѣлую и дастъ—ли онъ мнѣ, согласно предписанія С—го, лошадей, для похода въ горы съ П—мъ, въ пространство между рѣками Бѣлою и Уруномъ.

Видя его неподатливость, я не попробовалъ—было заиграть на той же струнѣ, на которой во все время нашей рекогносцировки разыгрывалъ поученія, именно на отеческой его заботливости о солдатахъ: сказалъ ему нѣсколько комплиментовъ по этому поводу, и выставилъ бѣдственное положеніе команды N** баталіона, если бы мы двинулись съ П—мъ въ горы, не имѣя достаточно вьюковъ для провіанта, и были бы отрѣзаны разливомъ рѣкъ отъ магазиновъ. Все было напрасно. На первое онъ не далъ положительнаго отвѣта, и отдѣлывался только просьбою обойтись безъ него, предлагая заранѣе свое согласіе на всякій мой выборъ; во второмъ же отказалъ на отрѣзъ, увѣряя, что не имѣетъ достаточныхъ гарантій въ сбереженіи казенно—подъемныхъ лошадей. Между тѣмъ, безъ достаточнаго числа вьюковъ, нечего было и думать двинуться дальше въ горы, потому что ближайшіе провіантскіе магазины въ горной полосѣ между рѣками Бѣлою и Уруномъ были удалены отъ предполагаемой линіи ротныхъ селъ слишкомъ далеко, чтобы можно было продовольствовать людей шестидневнымъ провіантомъ, который можно было поднять въ ранцахъ. Сверхъ того наступала пора разлива рѣкъ, и мы, углубившись въ горы, рисковали быть отрѣзанными на какомъ—нибудь ночлежѣ полноводьемъ рѣки на недѣлю и болѣе, и стать въ безвыходное положеніе. Примеры такихъ несчастій бывали не разъ на Кавказѣ и мнѣ не хотѣлось ихъ испытывать.

Оставалось ѣхать въ Майкопъ, просить распоряженій генерала С—наго.

Въ тотъ же день я отпустилъ проводниковъ и выѣхалъ вмѣстѣ

съ Г—мъ, а на другой день, къ вечеру, остановился въ Майкопѣ у П—го.

Я засталъ Онуфрія Ильича дома, и узналъ отъ него, между прочимъ, что С—ій уѣхалъ на берегъ моря, для встрѣчи ожидавшагося тамъ наказнаго атамана.

Извѣстiе это заставило меня выѣхать на другой же день въ Екатеринодѣръ, чтобы, при содѣйствiи тамошняго начальства, получить необходимыя средства для окончанiя командировки.

Я прибылъ туда безъ особенныхъ приключенiй, если не считать таковыми комаровъ, атаковавшихъ меня на Корсунской дамбѣ (*) и искушавшихъ до потери образа и подобiя человеческого (**).

Изъ начальства я засталъ въ Екатеринодѣрѣ одного только начальника штаба и, изложивъ ему всю суть дѣла, получилъ приказанiе остаться на нѣсколько дней въ городѣ, для осмотра присланныхъ изъ Петербурга передъ моимъ прiѣздомъ геодезическихъ инструментовъ, видѣть съ общанiемъ уладить дѣло съ Ф*, но взаимному удовольствию. Какъ ни неприятна была для меня эта новая остановка, но надежда на миролюбивое устраненiе встрѣтившихся затрудненiй заставляла быть терпѣливѣе.

Черезъ недѣлю я окончилъ это новое порученiе и явился опять къ начальнику штаба напомнить о его общанiи и откланяться ни отъѣздъ.

— А вы уже опять хотите въ горы? спросилъ онъ; что-же, когда выѣзжаете?

— Когда прикажете, дѣло только за выючными лошадьми, безъ которыхъ нельзя выступить.

— На этотъ счетъ я принялъ свои мѣры: передайте Афанасiю Афанасьевичу поклонъ отъ меня и бумагу; можете быть покойны—не

(*) Названа такъ по имени близъ лежащей станицы.

(**) Мнѣ довелось за мою службу познакомиться съ этими музыкальнымъ настькомышъ и на Волгѣ, и на Дону, и даже на Дунаѣ; но, признаюсь, изобилiе ихъ и злость ничто передъ тѣмъ, что мнѣ пришлось испытать близъ Корсунской станицы. Не только замшевая перчатка, но и лезгинское сукно, изъ котораго сдѣланъ былъ мой башлыкъ, итнншiй претензiю беречь мою голову, не были защищены отъ ихъ остраго жала. Закутанный съ головою, съ двумя пальцами въ рукавъ и сигарою въ зубахъ, я только и спасся отъ нихъ, пока работали руки и горѣла сигара; но стоило мнѣ вынуть ее изъ рта, какъ уже дюжина комаровъ кусала губы и глаза въ ротъ. Я прежде не вѣрилъ разсказу о какомъ-то черноморскомъ казикѣ, привязавшемъ будто бы свою жену, нагишею, на ночь въ камышахъ, и нашедшемъ будто бы ее поутру мертвою; но теперь вѣрю, и думаю, что со мною согласится всѣ, кому хорошо известна эта прелестная особенность мнзювъ Кубани.

отдастъ. И начальникъ штаба, улыбаясь, подалъ мнѣ форменный конвертъ, за печатью и номеромъ.

На другой день, въ вечеру, я уже былъ въ Майкопѣ. Въ отсутствіе мое возвратился и С—ій. Я явился къ нему и объяснилъ причины, вынудившія мою поѣздку въ Екатеринодаръ. С—ій принявъ очень сухо мое объясненіе и, кажетъся, подумавъ, что я ѣздилъ туда жаловаться на Ф*.

— Я забѣжалъ теперь въ Хамышки и знаю, что Ф* точно не можетъ дать вамъ лошадей: у него у самого ихъ не хватаетъ для домашняго обихода; что же прикажете дѣлать? сказалъ онъ, выслушавъ меня.

— Но что же и мнѣ дѣлать? Какъ быть, ваше превосходительство? Безъ вьюровъ идти нельзя, а у П—го лошадей тоже нѣтъ?

— Да, и то правда.... Жаль, что меня не было здѣсь, когда вы ѣхали въ Екатеринодаръ. Я бы написалъ ему, можетъ быть дѣло и уладилось бы безъ вмѣшательства областного начальства.

— Но ваше превосходительство дали Ф* уже два предписанія, которыя не выполнены....

— Такъ; но, знаете, все-таки нехорошо, не слѣдовало докладывать объ этомъ въ Екатеринодаръ: это наше домашнее дѣло, а то теперь пойдутъ выговоры, непріятности....

Я соглашался, что дѣло могло быть и домашнимъ, но только для него и Ф*, для меня же ни въ какомъ случаѣ, прибавивъ, что докладъ мой въ Екатеринодаръ ограничивался изложеніемъ причинъ, приостановившихъ такъ внезапно мою командировку, и просьбой объ ихъ устраненіи; въ изслѣдованіе же ихъ я не пускался, и потому докладъ мой ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названъ жалобой. Оставлять же безъ поясненія замедленіе дѣла, на которое я былъ посланъ и отвѣтственность въ которомъ возлагалась прямо на меня, я, конечно, не могъ.

На томъ объясненіе наше и кончилось. Я послалъ въ станцію Лабинскую за новыми проводниками, такъ какъ прежніе плохо знали мѣстность между Бѣлою и Урупомъ, назначивъ имъ рандеву въ Хамышкахъ, на послѣ-завтра.

На слѣдующій день, часамъ къ четыремъ вечера, мы съ Онуфриемъ Ильичемъ пріѣхали въ Хамышки и остановились у Н—ва. Не успѣли мы сдвинуть дорожнаго платья, какъ приближалъ вѣстовой отъ Ф*, узнать кто пріѣхалъ. Я тотчасъ же одѣлся въ парадную форму и пошелъ къ нему явиться. П—ій отложилъ эту церемонію до другаго дня.

Ф* прохаживался въ своемъ кабинетѣ съ наморщеннымъ лбомъ и заложеными за-спину руками, когда я показался въ дверяхъ. При входѣ моемъ, онъ постарался радостно улыбнуться. Я подалъ ему конвертъ и передалъ поклонъ начальника штаба.

— Такъ скоро вернулись!... началъ—было онъ, срывая печать, но, взглянувъ на подпись, суетливо погнѣвъ въ карманъ за очками.

Въ это время легкой поступью вошла въ комнату Лизавета Гавриловна и, сухо поклонившись мнѣ, съ безпокойствомъ взглянула на мужа.

— Что это за бумага, Афанасій? спросила она.

— А вотъ это капитанъ привезъ изъ Екатеринодара, отъ начальника штаба.

Лизавета Гавриловна укусила нижнюю губу и пытливо взглянула на меня; затѣмъ, взявъ изъ рукъ мужа бумагу, быстро пробѣжала ее и передала ему обратно. Лицо ея изобразило сильнѣйшую досаду.

— Это ваша работа, признайтесь! обратилась она ко мнѣ.

— Что такое, Лизавета Гавриловна?

— Предписаніе это.... не притворяйтесь!....

— Я не знаю въ чемъ оно заключается: мнѣ подавъ былъ конвертъ запечатаннымъ.

— Неправда.... я знаю—вы жаловались на мужа.... Это ваши штуки!....

— Увѣрю васъ.....

— Не смѣйте увѣрять, не повѣрю!... Вы нарочно за тѣмъ ѣздили въ Екатеринодаръ!

— Да на что же я могъ жаловаться, сами посудите....

— На то, что лошадей вамъ не дали, вотъ на что.

— Я докладывалъ только, что Афанасій Афанасьевичъ не далъ лошадей, находя ихъ необходимыми для баталіоннаго хозяйства: этого обстоятельства я не могъ скрыть; но, увѣрю васъ чѣмъ хотите, что ни въ какія дальнѣйшія объясненія я не пускался и рѣшительно не знаю что написано въ бумагѣ....

— Что вы мнѣ тутъ поете?... рассказывайте! Не знаю я развѣ, что бумаги сочиняетъ адъютантъ. Я это все хорошо знаю....

— Но вѣдь я не адъютантъ, а офицеръ для особыхъ порученій, и даю вамъ слово, что не сочинялъ этой бумаги, не знаю что въ ней написано, и на мужа вашего вовсе не жаловался. Наконецъ, что же въ ней значитса?

— Возьмите, читайте и утѣшайтесь вашими штабными фокусами, Ужь эти мнѣ штабы, да канцеляріи!... И въ Хамышкахъ отъ

нихъ не спрячься!... И она передала мнѣ только-что прочтенную Ф* бумагу.

Мнѣ было и смѣшно и досадно видѣть разсерженную даму, но, прчитавъ бумагу, я рѣшительно не могъ удержаться отъ смѣха.

Въ ней значилось, что такъ какъ безопасность горныхъ станицъ сѣвернаго склона требовала размѣщенія обоихъ баталіоновъ ротными поселками въ одну линію, съ такими промежутками, чтобы на каждый изъ ротныхъ дворовъ въ теченіе сутокъ могли собраться двѣ сосѣднія роты, а въ два дня не менѣе четырехъ ротъ, то признается полезнымъ, чтобы въ выборѣ пунктовъ для водворенія ротъ N** баталіона принялъ участіе и полковникъ Ф*, котораго постоянная заботливость о нижнихъ чинахъ, хозяйственныя способности и опытность, столь хорошо извѣстныя начальству, могутъ принести существенную пользу какъ при самомъ выборѣ мѣстъ подъ поселки N** баталіона, такъ и въ особенности при оцѣнкѣ способовъ для приведенія нынѣ-существующихъ путей, въ ущельяхъ и между ними, въ надежныя вычныя дороги. Въ этихъ видахъ рекомендовалось полковнику Ф* принять дѣятельное участіе въ предстоящемъ осмотрѣ мѣстности между рѣками Бѣлой и Урупомъ.

Ф* казался совершенно слопфуженнымъ; лицо его изображало попеременно мѣлкую и досаду.

— Что же, я готовъ ѣхать.... сказалъ онъ. Но зачѣмъ, ей-Богу? Да я и нездоровъ.... Совсѣмъ разстроился.... Знаете.... Признайтесь, это вы выдумали все это?

— Я уже вамъ отвѣчалъ, даже далъ слово, отвѣчалъ я, и не думаю, чтобы вы имѣли основаніе въ немъ сомнѣваться. Во всякомъ случаѣ, позвольте узнать, когда мы выступимъ?

— Ахъ, Боже мой, какой вы, право, сердитый! Садитесь, пожалуйста.... Ну вотъ вы и обидѣлись.... Лиза! что-же ты, другъ мой; хоть-бы кофеюмъ угостила. Видишь: я совсѣмъ нездоровъ и разстроился, а ты и не догадаешься.... забормоталъ Афанасій Афанасьевичъ, совсѣмъ медовымъ голосомъ, подвигая мнѣ кресло.

Лизавета Гавриловна еще разъ враждебно взглянула на меня, махнула рукой, какъ-будто желая сказать: «чортъ съ тобой! напою кофеюмъ, авось лучше будетъ!» и вышла. Но я немножко побоялся возвращенія выскательной барыни и посидѣвши откланяться Ф*, настойчиво и любезно удерживавшему меня.

Доложительнаго отвѣта, т. е. согласія или отказа на поѣздки въ горы, Ф* не далъ; но было очевидно, по тревогѣ имъ обнаруженной, что предписаніе, такъ ловко составленное, начинало дѣйство-

вать. Въ самую дѣлѣ, предписывалось, взятьъ прежней передачи нѣсколькихъ лошадей команды N^{оо} баталіона, сопутствовать намъ «en personne», а такъ какъ горы въ то время были далеко еще не безопасны, то подразумевалась и необходимость взять съ собою конвойную команду, слѣдовательно и провіантъ на нее и вьючныхъ лошадей.

Я засталъ П—го за насѣянкою дробн въ патроны, и рассказалъ ему о только-что выдержанной мною передригѣ.

— Знаете ли, это очень хорошо, замѣтилъ онъ. Теперь я вполне увѣренъ, что у насъ будетъ не каша, а хорошій вьючный конюхъ. Онъ не рѣшится взять съ собою плохихъ въ такую даль отъ Хамышкова. Отличная, батюшка мой, вышла эта штука! Молодой вашъ начальникъ штаба, вотъ что!... А я вотъ налаживаю охотничью сбрую: скоро перепела стучать начнутъ: июнь не за горами. Кстати, тутъ въ вашу записку принесли отъ доктора Г—го, да и другой докторъ приходилъ и ушелъ съ Н—мъ.

Я отыскалъ на столѣ посланіе почтеннаго Егора Петровича. Въ немъ изложено было извиненіе въ полной невозможности сопутствовать намъ далѣе, по случаю серьезной болѣзни. Письмо написано было еще дней десять тому назадъ, въ Майкопѣ, куда мы приѣхали вмѣстѣ; но быстрый отъѣздъ мой въ Екатеринодаръ и кратковременная остановка въ Майкопѣ, на обратномъ пути въ Хамышкѣ, были причинами, что письмо разошлось со мною. Во всякомъ случаѣ мнѣ предстояло новое затрудненіе — ожидать назначенія доктора въ нашу комисію, безъ чего изслѣдованіе санитарныхъ свойствъ, избранныхъ нами мѣстъ, не могло быть признано основательнымъ. Оставалась надежда: поладить съ Ф^о и взять Шеретова; но рассчитывать на такую его любезность было, по моему мнѣнію, невозможно было. Я передалъ свои опасенія П—му.

— Будьте увѣрены, отвѣтилъ онъ: — Я давно знаю Афанасія Афанасьевича, онъ ни за что не поѣдетъ въ такія опасныя мѣста безъ аптеки и доктора. А еслибы и осмѣлился, такъ, суди по всему, жена не позволитъ.

— И то правда! невольно вырвалось у меня при воспоминаніи о мажорномъ тонѣ, въ какой она еще такъ недавно вела со мною бесѣду.

Скоро пришли Н—въ и Шеретовъ. Я переговорилъ съ послѣднимъ, и получилъ полное его согласіе быть спутникомъ нашего дальнѣйшаго путешествія.

Въ вечеру явился ко мнѣ новый проводникъ, требованіе

мною еще из Майкопа. Это были два горца из Урупского округа: одинъ высочій, стройный, лѣтъ тридцати, юнкеръ Языговъ; другой приземистый, съ разрубленнымъ ухомъ и рыжеватою окладистою бородою, лѣтъ за сорокъ, назывался Меть (вѣроятно сокращенное Мароветь). Шенковъ. Въ проводники собственно былъ присланъ Шенковъ; Языговъ же долженъ былъ служить переводчикомъ, такъ какъ первый совсѣмъ не зналъ русскаго языка.

Прокламенованъ былъ обоимъ и сличивъ ихъ рассказы съ картою, я пришелъ къ заключенію, что ближайшимъ мѣстомъ, пригоднымъ для водворенія роты, было урочище Ажемахо; длинный и довольно отлогій южный склонъ горы Дудугушъ, раздѣляющій бассейнъ рѣкъ Чегса, или Кишу, и Сахрая (оба правые притоки рѣки Бѣлой).

Урочище это хорошо извѣстно было Н—ву и всѣмъ хамшишцамъ, у которыхъ неподалеку отъ него были сѣнокосы какой-то роты. Ущелье рѣки Чегсъ, особенно въ ея верховьяхъ, будучи однимъ изъ самыхъ замкнутыхъ и въ то же время богатыхъ лѣсомъ, пастьбищами и полями, очень рѣдко посѣщалось отрядами нашими, и потому легко могло укрывать въ себѣ остатки бродячихъ хакучинскихъ шаекъ, а на будущее время сдѣлаться настоящимъ разбойничьимъ притономъ. Это обстоятельство также указывало на необходимость его занятія и побуждало меня предложить Ф* водворить тамъ роту его баталіона, для которой мы не нашли удобнаго мѣста на гойтх-скомъ перевалѣ.

Въ ночь прибыли отправленные еще наканунѣ въяки наши и десанта два стрѣлковъ N** баталіона, назначенныхъ быть нашимъ прикрытіемъ во время рекогносцировки. Съ въяками прибыла и часть монкъ-вакшай, высланныхъ изъ Внатарнодара съ казакомъ и охотничьей собакой, которую я бралъ теперь съ собою, чтобы, при случаѣ, не отстать отъ П—го, рассчитывавшаго на богатую охоту въ горахъ и захватывающаго съ собою даже своры двѣ гончакъ.

Понутру, едва я всталъ, приближалъ отъ Ф* вѣстовой разузнать, встали ли мы и пригласить на чай. П—ій только что проснулся, и мнѣ приходилось поджидать его. Я воспользовался тѣмъ временемъ и дажь вынулъ Шаретову, чтобы онъ не забылъ выпроситься идти съ нами въ походъ.

Минутъ черезъ десять мы вышли и встрѣтили дорогою Шерстова. Онъ былъ въ обычномъ игривомъ настроеніи дука, и мапъвалъ свозъ зубы какою-то пѣсенку. Ф* принялъ насъ съ такою предупредительностію, такъ будто когдѣ-то послѣдичъ во мнѣ неурядное впечатлѣніе вчерашняго разговора. Барыня его показалась только

къ концу нашего визита въ очень щегольскомъ утреннемъ нарядѣ и съ пріятною улыбкою на устахъ, но, по безпокойнымъ взглядамъ, бросаемымъ ею нрѣдка те на насъ, то на мужа, можно было догадаться, что она далеко не такъ рада была дорогимъ гостимъ, какъ желала это показать. Афанасій Афанасьевичъ сразу согласился поселить роту и на участіе Шерстова въ нашей рекогносцировкѣ, даже предложилъ намъ Н—ва въ спутники на весь походъ. Последнее было мнѣ особенно пріятно, такъ какъ я уже успѣлъ съ нимъ сблизиться и полюбить этого способнаго и честнаго, хотя немножко и ворчливаго служаву. Выступленіе назначалось на слѣдующій день. Лизавета Гавриловна тоже мало-по-малу привыкалась съ необходимостью и столь непріятною для нея разлукою съ мужемъ, и только просила поберегать его слабое здоровье, что мы и обѣщали ей отъ чистаго сердца. День прошелъ въ приготовленіяхъ къ походу, а на другой день, съ разсвѣтомъ, небольшою отрядъ нашъ, человекъ изъ сорока пѣхоты и десятковъ двухъ вьюжковъ и всадниковъ, потянулся, лѣвымъ берегомъ рѣки Бѣлой, къ мосту, перекинутому черезъ нее верстахъ въ шести ниже штаб-квартиры.

Утро было ясное, и мы, перейдя Бѣлую по мосту, начали подъемъ на западный отрогъ горы Дудугушъ. Тропинка была довольно хороша и мы двигались быстро. Но скоро небо заволокло тучами; пошелъ дождь. Глинистая почва размякла, мелкіе притоки Бѣлой изъ ручейковъ обратились въ потоки, катившіе каменья, и движеніе наше начало замедляться на каждомъ шагу. Расчитывая идти безостановочно и прибыть къ закату солнца на мѣсто, мы принуждены были, сдѣлавъ дорогою нѣсколько приваловъ, расположиться бивуакомъ въ небольшомъ ущельѣ, у опушки лѣса, не доходя нѣсколько верстъ до Аженахо.

Проворно разбиты были палатки и разведены огни, около которыхъ засуетились солдаты. Это былъ первый большой дождь въ ту командировку, и потому мы вынесли его терпѣливо. Я и не подозревалъ тогда, что, начавшись, онъ будетъ преслѣдовать насъ почти мѣсяць. Ф* жаловался на нездоровье и сирывался въ палаткѣ. Остальные члены нашего меньшаго кружка были веселы, особенно Шерстовъ, оказавшійся великимъ мастеромъ рассказывать забавные анекдоты, смѣшившіе насъ цѣлымъ вечеръ.

Дождь шелъ почти всю ночь и пересталъ только передъ свѣтломъ. Мы потянулись, при первыхъ лучахъ выглянувшаго мѣсяца

туть: солнца, въ урочищу Аженахо, куда и прибыли часомъ въ 10 или 11 утра.

Урочище Аженахо не что иное какъ отлогій склонъ горы Дуку-гушь, раздѣленный на нѣсколько широкихъ, безлѣсныхъ уступовъ. У самого берега рѣки Чегсъ и на высотахъ по ту сторону рѣки, тянутся по ребрамъ горъ густыя, зеленыя рощи, истребленныя про галинами.

Само Аженахо, и по величинѣ своей, и по разнообразію волнистой поверхности, не могло быть охвачено однимъ взглядомъ; поэтому я оставилъ у воды нашу команду и поѣхалъ, въ сопровожденіи Ф*, Шерстова, Н—ва и проводниковъ, осматривать его поближе. Н—ий, большой охотникъ до ужена, вмѣстѣ съ прибывшимъ съ командой его баталіона поручикомъ П., усѣлся на берегу шумной Чегсъ, съ удочками въ рукахъ. Ф*, жаловавшійся попрежнему на недорозовье, былъ очень невеселъ и переносилъ свое неудовольствіе на всѣхъ насъ, а въ особенности на урочище Аженахо. Все ему въ немъ не нравилось: и угодевъ, по его мнѣнію, было недостаточное, и огородевъ—то негдѣ было отвести, и спустить къ водѣ слишкомъ крутъ. Н—въ и Шерстовъ, первый за указаніе болѣе удобнаго спуска къ рѣкѣ, а второй за отзывъ о признакахъ хорошаго климата, получили по замѣчанію. Словомъ, Афанасій Афанасьевичъ брызгалъ, не высказывая, однако, рѣшительнаго несогласія съ нашими мнѣніями, и настаивалъ только на недостаткѣ мѣста для огородевъ.

Я пригласилъ его спуститься поближе къ рѣкѣ, берегъ которой, въ томъ мѣстѣ плоскій и низменный, по всѣмъ примѣтамъ затоплялся въ большую воду, что дѣлало его, при почвѣ очень сильной, пригоднымъ для огородевъ. Но и очевидность послѣдняго обстоятельства на него мало подействовала: онъ стоялъ на своемъ, что для огородевъ мѣста нѣтъ.

— Вотъ на томъ берегу, тамъ есть мѣсто, говорилъ онъ. — Посмотрите, какой отличный лугъ! И онъ указалъ на широкую извѣстную площадку праваго берега, упиравшуюся въ крутые отроги горы Пшенишь.

По цвѣту зелени, мѣстами желтоватой, мѣстами слишкомъ темной, нетрудно было догадаться, что это былъ болѣзненный лугъ; поросшія лопухомъ, наноретникомъ и другими имъ къ чему негодными травами—признаками слишкомъ сырой почвы и лихорадки. Шерстовъ тотчасъ же указалъ ему на это обстоятельство, но онъ и слушать не хотѣлъ.

— Что вы рассказываете, господа! какъ будто я не вижу?...

Это, воть, все Иванъ Ивановичъ любилъ не горюхъ тѣдить, ландшафты смотрѣть, да на бумагѣ чертить; тутъ не ландшафты нужны, а хозяйство. На томъ берегу вину довольно мѣста не только для огородовъ, но и для построекъ. Тамъ-бы и роту поставить. Но крайней мѣрѣ и вода, и лѣсъ близко, а тутъ что?...

— Не вѣдь каждое полноводье рѣки Чегсъ будетъ отрывать вашу роту отъ баталіоннаго штаба, а мостъ на такой быстрой и большой рѣкѣ (*) потребовалъ бы слишкомъ большія издержки, чтобы начальство сразу на нихъ согласилось, не попробовавъ предварительно перемѣстить роту на другое, болѣе удобное, мѣсто. Наконецъ, прибавилъ я, чтобы убѣдиться въ удобствахъ того берега, надобно быть на немъ, а вода въ рѣкѣ такъ на приближи, что едва-ли переѣхать въ бродъ здѣсь возможно.

— Искѣ какъ невозможно? отвѣтила она, окидывая взглядомъ рѣку: вездѣ возможно... Вы только не хотите или боитесь...

Меня начинало раздражать все это. Ф* видимо хотѣлъ имѣть окончаніе генералъ впоследствии, что выборы мѣсть производены бывъ независимо и даже противъ его мнѣнія.

— Хорошо, полковникъ, поѣдемте. Язиковъ! Поѣзжайте съ Шенюковъ впередъ и огляните бродъ: намъ надобно осмотрѣть ту сторону, командовать я проводникамъ.

Шенюковъ туго посмотрѣлъ на меня, потомъ на Язикова, спѣшившаго перевести ему мое приказаніе, и пошелъ лопатить на своемъ горюхонномъ нарѣчѣ.

— Говорить, началъ переводчикъ Язиковъ, что здѣсь бродовъ никогда не было, а что вода теперь зрѣло на приближи, и потому онъ опасается за переправу; что на томъ берегу, кромѣ болота, которое видно и отсюда, никакихъ удобныхъ мѣсть для суда нѣтъ; что ежели-бы онъ еще увѣренъ былъ, что подъ нами хорошия лошади, онъ, можетъ быть, попытается-бы перекатить брода, на многихъ же лошадахъ нечего и думать—навѣрное утонемъ.

Подо мною в воду Ф* били хорошія, сильныя табардинскія лошади; вдобавокъ я хорошо плаваю.

— Я вѣдь, какъ-то, конь недуренъ, Афамсей Афамсевичъ? что же видите? обратился я къ нему, думая что: снѣ, не шуга, конечно лучше осмотрѣть тотъ берегъ. Проводники! въ рѣкѣ!...

Проводники молча поплыли къ рѣкѣ, переговариваясь между собою въ полголоса. Ф* отбавился на шѣсть.

(*) Рѣка Чегсъ, у Аменахо, по своей ширинѣ и глубинѣ, не уступаётъ рѣкѣ Валай у Хайшиковъ, а по быстротѣ даже превосходитъ послѣднюю.

— Что же, Афанасий Афанасьевич? дѣло въ ваши, и вѣду.

— Ивѣтъ, знаете, проѣзжайте вы одна; а я обступусь; мне что-то небодорожится...

— А если потомъ будете утверждать, что тотъ берегъ далеко лучше этого, или комунибудь изъ свидѣтелей нашего несогласія въ мнѣніяхъ придетъ въ голову, что же я боюсь воды?..

Ф* прикусилъ губу.

— И тоже вѣду съ тобою, вызвался было Н—въ.

— Не вѣшно, доволно ли троихъ, отвѣчалъ я, спускаясь къ водѣ.

Проводники разѣзжались, въ нерѣшимости, по берегу. Они то сближались, то расходились, стискивая удобнее мѣсто для переправы. Языговъ былъ уже безъ чевякъ (*) и кинжала, при одной шапкѣ. Ивноновъ сбросилъ съ себя на берегу только вичюлку и бурку. Я послѣдовалъ ихъ примѣру и уже началъ снимать съ себя оружіе и лишнюю одежду, какъ изъ-за кучи камней, найденныхъ рѣкою, въ одномъ изъ ея изгибовъ, показалась высокая фигура Н—го, съ удочкой въ одной рукѣ и ведромъ въ другой.

— Здравствуйте! Что это вы? Выхватили, что-ли, заглади, что раздѣваться начали? спросилъ онъ. Такъ ужъ лучше бы свѣтали! Да и что за охота въ такой холодъ купаться!

— Не купаться, Онупрій Ильичъ, а на тотъ берегъ, вотъ то болото обзотрѣть, что Ф* лугамъ назывиетъ и роту на немъ свѣтитъ думавтъ.

— Такъ какъ же вы? Неужте въ бродѣ?

— А то какъ же? Видите, проводники уже возмани: и я повернуть коня.

— Постойте, существенный!.. Куда вы?... Ахъ, Господи!.. Да разѣ можно?... Посмотрите, какъ вода на прибыви!.. Ну!.. у!.. и онъ вѣстно погробилъ кулакомъ Ф*, стоявшему передъ своею палаткой у огня.

— Успокойтесь, Онупрій Ильичъ, сказалъ я, възявъ въ рѣчку; и плаваю какъ рыба и утопить меня нелегко. Похлопочите только, чтобы мнѣ сухое платье приготовили, да костеръ хороший развели, гдѣ бы обогрѣться можно было: безъ купанья, вѣроятно, не обойдется. Съ этими словами, я щелкнулъ плетью и, въ несколько

(*) Горская обувь, въ родѣ башмаковъ, изъ козловой кожи. Наговицы голенища изъ той же кожи, надѣваемые отдѣльно и пригнанные такъ, что, надѣтые съ чевяками, очень похожи на обыкновенный сапогъ.

прыжковъ моего хранишаго коня, случился между проводниками, остановившимися передъ главнымъ русломъ шумящаго потока.

Тутъ только я замѣтилъ, что насъ переправлялось не трое, а четверо. Четвертымъ была моя окотничья собака, барахтавшаяся въ рѣкѣ. Уморно силилась она одолѣть быстрину впасть; ее несло и кувырнало и скоро приблило къ тому же берегу, съ котораго она бросилась. Напрасно гналъ я ее домой и кричалъ П—му, чтобы онъ отозвалъ ее. Вѣрный песъ, какъ будто чуя опасность, грозившую его хозяину, не шелъ къ Снуффрию Ильичу, котораго зналъ, а, выбравшись на берегъ и отбѣжавъ шаговъ сто вверхъ по рѣкѣ, снова вскопалъ въ воду.

— Что же, нанял бродя? спросилъ я проводниковъ, не рѣшавшихся ѣхать дальше.

— Шенюковъ говоритъ, началъ Языговъ, что впередъ можно переправиться, а назадъ если, лошадь не хороша....

— А онъ на свою надеется?

— У него хорошая лошадь.

— Ну такъ пусть ѣдетъ.

Мы проулавъ: впереди Шенюковъ, за нимъ я, за мною, нѣсколько шаговъ ниже, Языговъ, лошадь котораго была плоше нашихъ. Никогда до того времени мнѣ не случалось имѣть дѣла съ такимъ быстрымъ и глубокимъ бродомъ. Теленце приходилось намъ справа и нѣсколько сзади. Вода слѣва хватала только выше тебеньковъ, а справа, отъ напора ея и заплесковъ, плечо было мокро. Подтянувъ поводья и ободряя голосомъ лошадей, двигались мы шагъ за шагомъ. Вотъ пронеслась передъ нами моя собака и, прибитая теченіемъ къ полузатопленному кусту, въ изгибѣ крутаго берега, отчаянно барахталась, силась вскарабкаться. Минуты три еще подвигались мы, имѣя тотъ же уровень воды и ту же силу теченія. Наконецъ стало мельче, кони наши пошли свободнѣе—переправа удалась. Смѣлость собаки моей привела въ восторгъ Шенюкова, и онъ, выхавъ на берегъ, первымъ дѣломъ бросился къ ней на помощь.

Я прозвѣлъ и пустилъ коня полной рысью. Черезъ нѣсколько минутъ Шенюковъ дегналъ насъ, держа на сѣдлѣ собаку и поглаживая ее съ видимымъ удовольствіемъ.

— Что, хороша собака? спросилъ я его черезъ переводчика.

— А! гадья—ауэ (*)! отвѣтилъ онъ, продолжая ее гладить.— Жена никогда не будетъ такъ вѣрна, прибавилъ онъ черезъ того же Языгова.

(*) Хорошая собака.

Мы объѣхали въ десять минутъ достаточную часть пресловутой поляны, чтобы имѣть основаніе сдѣлать заключеніе и обо всей. Это была низменная плоскость, слегка перемежаясь отъ рѣки къ подошвѣ горъ, съ болотистыми растеніями и невысохшими еще мѣстами, протоками и лужами. Селиться на такомъ мѣстѣ, кончатое дѣло, было невозможно. Мы повернули назадъ.

Для-обратной переправы, Шенюковъ долго отыскивалъ другое мѣсто, заставляя меня дрогнуть въ промошениѣ платьѣ; наконецъ нашелъ, и мы, единственно благодаря снѣжъ коней, достигли берега здравы и невредимы. Только въ одною мѣстѣ лошади Языгова споткнулась обо что-то, и онъ едва не охнулъ, но товарищъ поддержалъ его, и все кончилось благополучно.

На берегу насъ встрѣтили П—ій и Н—въ.

— Ну, не съумасшедшій-ли вы? съ упрекомъ обратился ко мнѣ Онуфрій Ильичъ. И что за крайность вамъ приспѣла? Добро бы еще непріятель тамъ былъ, ну, понимаю. А то, ни съ того ни съ сего лѣзть тоняться! Хоть бы Ф*—то съ собою захватили! Тамъ нѣтъ, увидишь... И онъ послалъ, по направленію его палатки, очень крѣпкое словцо.

— Полноте, Онуфрій Ильичъ, успокойтесь! отвѣчалъ я. Вы видите: я живъ и здоровъ, стало-быть все обстоятъ благополучно, и теперь никто не въ правѣ сказать, что я вашихъ кавказскихъ рѣчей боюсь. Опасности же большой для меня и не могло быть: я плаваю очень хорошо....

— Ну, ладно, толкуйте! Пойдите-ка лучше въ палатку, переодѣньтесь, тамъ все готово. Да не забудьте вытереться водкой.... Ужъ эти мнѣ, что чужими ипрегана батька пеминають....

Перекинувъ платье, я зашелъ къ Афанасію Афанасьевичу рассказать о результатѣ осмотра. Онъ много возмущился, услышавъ отъ меня подтвержденіе прежняго мнѣнія, и соштытельно повачалъ головой....

— Если не вѣрите, полковникъ, такъ завтра, или послѣ завтра, когда будете чувствовать себя хорошо, можно будетъ вамъ лично убѣдиться въ этомъ, сказалъ я, а до тѣхъ поръ можно обождать, сдѣлавъ здѣсь командѣ одну или двѣ дневки.

— Нѣтъ, къ чену же, я вѣрю.... Знаете-ли.... мнѣ кажется, что для моего баталіона всѣ мѣста уже выбраны, и я здѣсь со-всѣмъ лишній.... Нельзя-ли вамъ безъ меня?.... Я лошадей передамъ П—му, а меня увольте, я не могу.... нездоровъ....

Я разително не знаю, что отвечать на это, и потому молчалъ.

— Мѣсто это я признаю хорошимъ, т. е. тѣмъ, на которомъ теперь стоимъ, продолжалъ онъ; ну, чего же вамъ?...

— Я, еще передъ началомъ въ Екатеринбургъ, находилъ ваше участіе въ дальнѣйшей рекогносцировке совершенно лишнимъ; дѣло было на выданныхъ дощечки.... а теперь предписаніе....

— Тамъ я уже теперь какъ дощечки, а вы тамъ какъ нибуль уже объясните мое отсутствіе.... обдѣлайте все это, пожалуйста!....

— Всею правдою, если вы сами, прибывъ въ Хандыки, поможете начальству рапортъ о бездѣиіи....

— И то правда.... Такъ я ѣду завтра.... но правда ли?... Шерстова, если онъ вамъ нуженъ, берите съ собой, нуть прокузается; на Н.—ва я у васъ возьму: онъ мнѣ будетъ нуженъ.

— Какъ вамъ будетъ угодно....

Я вернулся въ мѣстѣ Н.—го, передъ которой у огня сидѣла на повѣи охладѣлая команда наша, и передалъ ей результатъ послѣдняго моего разговора.

— И пусть себѣ съ Богомъ ѣдетъ хоть сейчасъ, мудро преторчалъ Н.—ій.

Тотчасъ же сдѣлано было распоряженіе, чтобы на другой день командѣ N° баталіона, отбывая необходимыя выѣзды для команды N°, выступать обратно.

Къ вечеру погода испортилась: пошелъ мелкій, частый дождь, и мы должны были запереться въ палаткахъ, развлекаясь только разсказами остряка Шерстова. Дождь шелъ всю ночь. Радо утромъ мы простились съ Ф. и двинулись на исправленію въ станціи Софрѣйской, чтобы оттуда выйти въ бассейнъ рѣки Ходзь, въ верховьяхъ которой — увѣрали проводники — лежали роскошныя, по обширности и плодородію, удобныя во всѣхъ отношеніяхъ для заселенія, урочища: Бунъ, Ходзь-Зишко и Ходзь-Бугунчъ.

Иванъ Орѣховъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)